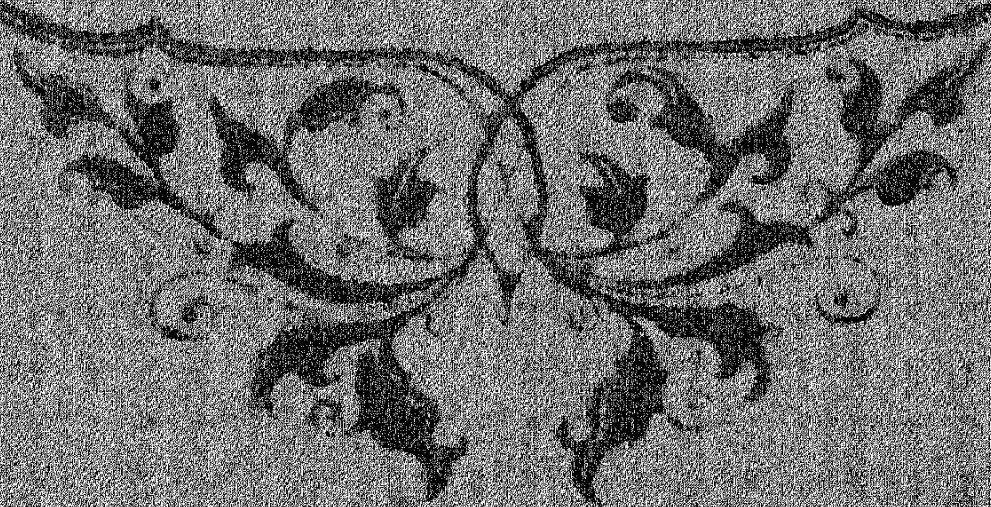

МАХТУМКУЛИ

ТУРКМЕНГИЗ — 1941 — АШХАБАД

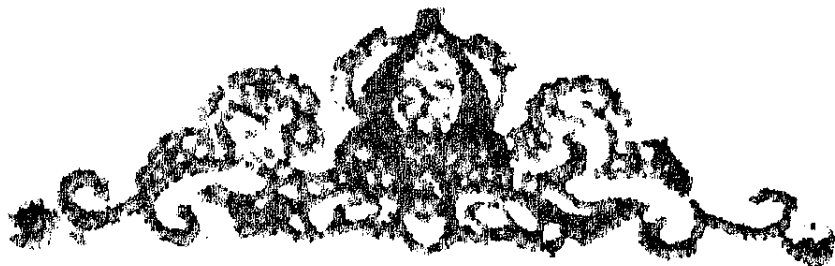

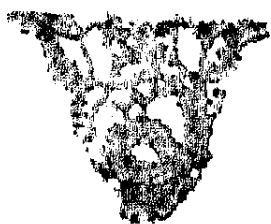
1941 и
699

ТУРКМЕНСКИЙ ФИЛИАЛ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

СЕКТОР ЛИТЕРАТУРЫ

Махтумкули
избранные стихи

Перевод
Марка Тарловского
под редакцией
П. Г. Скосырева

ЕВ_1941_OFO_280

ТУРКМЕНГОСИЗДАТ
АШХАБАД
1941

Max Tytkylin

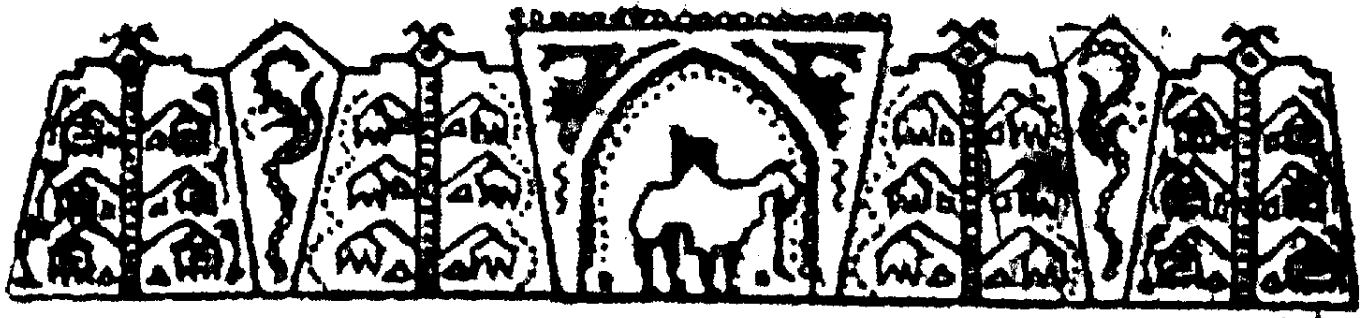
Техн. редактор *Волянская О.*
Корректор *Попов И. С.*

Сдано в производство 19/IV-41 г. Подписано к печати 26/VIII-41 г.
ТГИЗ № 324. Заказ № 1510, И 3707. Тираж 5000. Формат 60x92 1/32,
Печатных листов 4^{7/8}.

Полиграфкомбинат Управления по делам печати при СНК СССР.

ТУРКМЕНСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПОЭТ МАХТУМ-КУЛИ

Имя Махтум-Кули до последнего времени было мало известно русскому читателю. Между тем знаменитый туркменский поэт должен быть причислен к ряду величайших классиков мировой поэзии. Сила его поэтической мысли, равно как многообразие и художественная смелость созданных им образов, обеспечивают его поэзии право, прорвав «громаду лет», войти в нашу культуру наравне с творениями Низами, Навои, Физули и других гениев Востока, тоже до последнего времени бывших для нас великими незнакомцами.

Махтум-Кули основоположник туркменской поэзии. Творчество его целиком и сплошь наше.

нально, как целиком национально творчество Гете, Шекспира, Данте, Пушкина, Байрона или Навои. Но ведь именно эта неразрывная слитность творений великих поэтов с жизнью и сокровеннейшими чаяниями народов, на языке которых они писали, сообщает им черты всечеловечности, делая их близкими и доступными для читателей всего мира.

Творчество классиков не подвержено разрушительной работе времени. Больше того, время очищает классические произведения от налета всего случайного, выявляя их целеустремленную стройность, какой часто не видели современники, находившиеся в плену представлений и ассоциаций, обусловленных эпохой, в которую они жили.

18-й век, в каком жил и творил Махтум-Кули (1733 — 1782) был тяжелым веком в жизни туркменского народа. Только что отгремели победные трубы Надир-шаха, залившего кровью и огнем престолы Азии. Разрозненные туркменские племена, кочующие по территории, сжатой деспотиями Хивы, Бухары и Ирана, враждовали между собой из-за лучших пастбищ для своего скота, бывшего их единственным экономическим богатством. Родовые вожди и ханы соединялись во временные союзы, зачастую направленные прямо против коренных интересов своего же на-

рода, и даже само понятие туркменского народа в тот век фактически не существовало. Оно подменялось названиями многочисленных племен и родов, не поднявшихся еще в то время до понимания своего национального единства.

Косность племенных и родовых традиций в соединении с экономическими факторами кочевнической жизни в пустыне и исторической обстановкой развития народов Средней Азии и помешала туркменам создать сильное централизованное государство. Нужно было произойти приходу русских в Туркмению, нужно было туркменским племенам подвергнуться воздействию торгового капитала, наконец, нужно было произойти Великой Октябрьской революции, чтобы впервые в истории создалось сильное туркменское государство — Туркменская Советская Социалистическая республика.

Поэтическая одаренность Туркменского народа, лишенного городской культуры, находила свое выражение в многообразном и многожанровом фольклоре. Художественная ценность устных поэтических произведений, созданных народом, столь значительна, что было бы достаточно одного лишь влияния родного фольклора для объяснения той поэтической мощи, какую проявил в своих произведениях Махтум-Кули. Однако такое объяснение будет не верным. Не только фольклор, блестящим знатоком которого был великий турк-

манский классик, обусловил его поэтическое развитие. Махтум-Кули получил по своему времени весьма разностороннее и глубокое книжное образование. Он был сыном довольно известного поэта-книжника Давлет Маммеда Азали и с ранних лет перенял от отца любовь к классической фарсидской и тюркской поэзии. Затем несколько лет он провел в стенах хивинского медресе в качестве студента и расширил свой кругозор изучением всех наук, известных азиатским ученым. Школьный учитель, он изучил также ряд ремесел (серебряника, сапожника), сообщивших ему навыки, сблизившие поэта с трудовым ремесленным людом.

Мы не располагаем достаточным количеством биографических данных, чтобы составить достоверное жизнеописание Махтум-Кули. Но можно считать установленным, что поэту в большой мере была свойственна страсть к скитальчеству, бросавшая его во многие страны переднего и срединного Востока.

Махтум-Кули был свидетелем целого ряда исторических фактов и событий своего времени. Отсюда та глубина житейского опыта, каким насыщены его произведения; отсюда то многообразие образов и эпитетов, какое так поражает каждого, кто впервые знакомится с его стихами и поэмами. Жадность поэта к познанию явлений мира могла сравниться лишь с горяч-

ностью его пытливого ума, стремившегося все понять, все объяснить, все сообщить и из всех наблюдений сделать вывод, какой помог бы людям жить не вслепую, помог бы им осознать силу своего человеческого достоинства и первородство своего места во вселенной.

Махтум-Кули принято называть поэтом-философом. С этим можно согласиться, если такое наименование не заслонит для нас эмоциональной стороны его творчества. Дидактизм, переходящий порой в резонерство, всегда присущий классической традиции поэзии Востока, не был чужд и Махтум-Кули; но не в нем сила и значение его поэзии. Сила Махтум-Кули в необычайной страстности его восприятия мира и в не менее страстной пытливости его ума. Поэзия Махтум-Кули насыщена мыслью; но как не похожа эта мысль на холодные рассуждения лгных книжных философов, отгородившихся от мира тома-ми пожелтелых рукописей. Махтум-Кули был близок к суфизму, но даже в суфизме его бесплодно искать черт какой-либо отрешенности от мира. Все художочное, половинчатое, все неполноценное, равно как и все выключенное за рамки видимого мира, претило земной и страстной натуре поэта. Даже в минуты мрачного отчаяния, когда Махтум-Кули пел свое «отрицание жизни» с ее обманом, насильем, ханжеством и вопиющей несправедливостью, он все же оста-

вался по сути пламенным поборником жизнеутверждающего реализма.

Иные исследователи склонны называть Махтум-Кули поэтом-пессимистом, и целый ряд стихов Махтум-Кули как будто дает к тому основания. Но мы вправе называть такой пессимизм видоизмененным, вернее, сублимированным оптимизмом. Он был ничем иным, как защитной реакцией сознания поэта на всю ту горечь социальной и бытовой обстановки, в условиях которой протекала жизнь Махтум-Кули. В этом туркменский классик близок великим азербайджанцам Хагани и Физули, ярко выраженный внешний пессимизм которых тоже был лишь защитной реакцией на мракобесие средневекового феодализма.

По преданию Махтум-Кули умер от огорчения по поводу непрекращающейся межплеменной розни родного народа. Создавая это предание, народ прекрасно понимал, что так называемый пессимизм Махтум-Кули был ничем иным, как выражением страстной тяги поэта к иным справедливым формам жизни, каких историческая обстановка его эпохи не могла создать.

Среди дошедших до нас 15000 строк произведений Махтум-Кули, мы, может быть, обнаружим некоторое количество строк, имеющих чисто временное значение и потому утративших для нас долю своего интереса, но мы не обнаружим

ни одной строки, в которой не дышала бы пламенная душа передового человека своего времени, не боявшегося конфликтов с господствовавшим мировоззрением и идущего до конца во всех своих выводах, как бы далеко эти выводы ни заводили.

Бесстрашие мысли составляет характернейшую черту поэзии Махтум-Кули. Самым тесным образом связаны с этой смелостью мысли поэта и гиперболизм образов его лирики, порой заставляющий нас неожиданно вспомнить о лирике нашего современника Владимира Маяковского. В соединении со страстностью чувство- и мыслоразъявления поэта эти качества поэзии Махтум-Кули и сообщают ему черты той неповторимости, какой отмечены все истинно великие поэты. Махтум-Кули явился родоначальником целой школы поэтов, из которых назовем Зелили, Соиди, Кеминэ, Шабенда, Молла-Исхаса; и все же он остался неповторенным и неповторимым, как неповторен остался Пушкин, как неповторим Маяковский, давший жизнь большому числу современных поэтов, как неповторимы все те, кто шли в поэзии собственным путем.

Знакомство с поэзией Махтум-Кули обогащает нас, раздвигая рамки той культурной вселенной, с какой мы жили с детства. После Октябрьской революции мир для нас стал шире и богаче. Стало богаче и шире не только наше

настоящее или будущее, но и наше восприятие прошлого. Строители социализма, мы наследуем все богатства, накопленные человеческой историей и мы всегда должны быть благодарны тем, кто открывает нам ценности, лежащие до того втуне в подвалах прошлого.

Поэт Марк Тарловский взялся за нелегкий труд, познакомить русского читателя с поэзией Махтум-Кули, долгое время пребывавшей для нас втуне. Работа Тарловского заслуживает самого пристального внимания. Если поэтический перевод вообще является делом крайней сложности и трудности, требующим от поэта-переводчика огромного художественного такта и большой чуткости, соединенной с изучением как всего творчества переводимого поэта, так и эпохи, в какую он жил, — то перевод на русский язык творений Махтум-Кули особенно труден. Строй туркменского языка имеет крайне мало общего с русским языком. Краткость и выразительность языка Махтум Кули вошли у туркмен в поговорку. Приемы туркменской поэтики не «покрываются» привычными для нас приемами русской поэзии. При таких условиях думать о создании дословного поэтического перевода произведений Махтум-Кули невозможно; да и не нужно. Соответствие перевода оригиналу не должно и не может находить свое выражение в

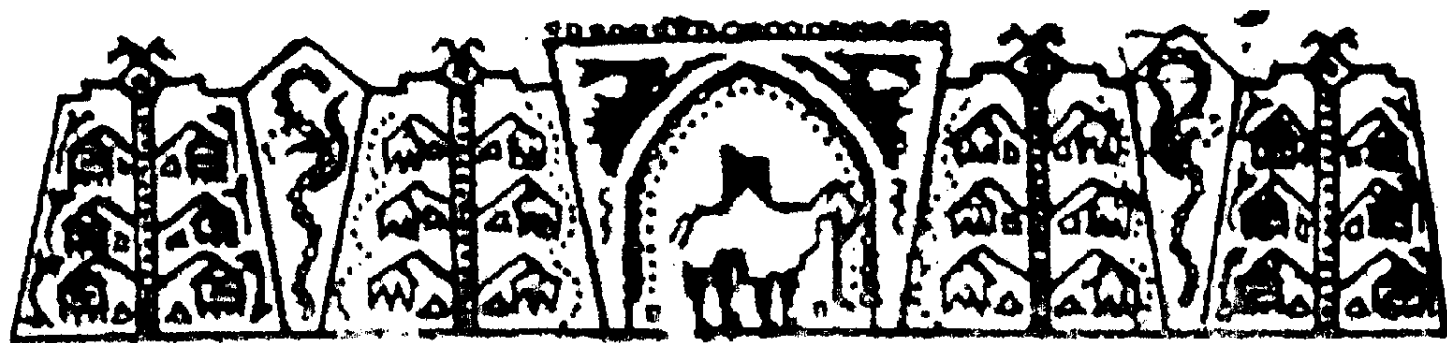
буквальном соответствии каждого слова перевода каждому слову и понятию оригинала. Перевод вообще никогда не может быть вполне подобен оригиналу и не может его заменить. Но переводчиком должно быть сохранено или вернее воссоздано с максимальной полнотой комплексное воздействие всех элементов, составляющих поэтическое произведение, подлежащее переводу (его смысла, звучания, мелодии, ритма, эмоциональной насыщенности и интонационной выразительности). Если переводчик этого достигает, мы говорим, что он осуществил свою задачу. Марк Тарловский осуществил свою задачу в полной мере. Читая его переводы, мы понимаем причину феноменальной популярности Махтум-Кули среди туркменского народа, который порой клянется именем своего классика, как клянутся люди самыми дорогими и священными для них именами.

Крайне сложные формы туркменского стиха переданы Тарловским частично найденными им русскими формами, которые ни в какой мере не шаблонны и в то же время далеки от всякой дурной «экзотики». При чтении отдельных переводов Марка Тарловского, от читателя, может быть, потребуется некоторое усилие, обусловленное своеобразностью иных ритмических форм, использованных поэтом. Однако мы уверены, что это усилие лишь обогащает читательский опыт и

делает еще полнее радость от узнавания целого
нового поэтического мира, как является поэзия
Махтум Кули, так долго бывшая скрытой от
нас.

Петр СКОСЫРЕВ.

Январь 1941 г. Москва.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Заглавия моих переводов из Махтум-Кули могут показаться на первый взгляд несколько странными — отчасти по своей лаконичности (например, «Зри»), отчасти по своей грамматической неопределенности (например, «Песком» или «Ес»). Но эти заглавия в духе туркменской поэзии, — и они не произвольны, они обусловлены редифом. Каков редиф, таково и заглавие.

В силу такого происхождения заглавий (от редифа) они, за редкими исключениями не могут служить формулировкой сути, темы или сюжета произведения, как это имеет место в европейской поэзии. Композиция стихотворений Махтум-Кули настолько своеобразна, что если даже пытаться подыскать условное заглавие обычного

для русской поэзии типа, то это почти невозможно сделать. В одном и том же стихотворении у Махтум-Кули часто развиваются разные, хотя и смежные темы, идя параллельно друг другу на протяжении каждой отдельной строфы. Эти параллельные темы сплетены тончайшими ассоциациями, и лишь в конце стихотворения поэт имеет обыкновение, неожиданно связывая и обрывая все протянутые им нити, возвращать читателя к исходной теме.

Порядок построения книги (деление ее на циклы) произвольный, потому что наследно Махтум-Кули дошло до нас в сильном беспорядке.

Первые три стихотворения я выделил, если можно так выразиться, как программные. Следующие 10 стихотворений объединяют мысль о тирании мира. В третьем цикле, обличительном, характер интонации совершенно иной. Здесь тоже как и во втором цикле, много гнева на устройство мира, но это конкретизированный гнев, мишень для которого названы каждая по имени. Четвертый цикл книги, цикл нравоучительный, можно было бы назвать наиболее спокойным из всех циклов, если бы «кипучее слово Махтум-Кули», о котором он сам говорит в стихотворении «Сойдет», вообще можно было бы определить как относительно спокойное. В четвертом цикле нам больше, чем в каком-либо другом открывается

материал для суждения о мировоззрении поэта, о его душевном и гражданском облике.

В пятом цикле, бытовом, наряду с житейской философией, много житейского юмора. Много иронии и над самим собой, по поводу, например, «замысловатости» задачи, стоящей перед мужчиной, когда он себе выбирает подружку жизни.

Я знаю, что шестой цикл, цикл любовный, по своей первозданно-стихийной, по своей иступленной, я бы сказал неиссякаемой силе будет неизбежно более, чем другие циклы, привлекать к себе внимание читателя, хотя и другие циклы не менее замечательны. Это объяснил и оправдал сам автор в стихотворении «Груз любви»:

«С тех пор, как нам в наследство дан
древний грех,
Но знаем мы, куда девать груз любви».

Стихотворения последнего, седьмого цикла, объединены автобиографическими чертами. Хотя автобиографичны в той или иной мере и другие вещи, особенно из предпоследнего цикла, но там они подчинены той или иной идее, причем образ автора этой идеей основательно заслонен. В последнем же цикле образ автора не только не заслонен идеей, но, наоборот, оттеняется ею, опирается на нее и от этого делается более видимым и осязательным.

При чтении книги не надо забывать, что за-
сложная редифофм рифма, многими с непривыч-
ки, при всей ее точности, незамечаемая, может
быть легко замечаема, если при чтении одного-
двух первых стихотворений научиться сосредото-
ченно фиксировать на ней внимание. Тогда смысл
редифной строки в восприятии читателя значи-
тельно углубится, потому что редифная рифма
это не просто украшение, а логический узел це-
лой строфы.

Надо также иметь в виду, что стихотворные
размеры переводов приближены к звучанию ори-
гинала и следовательно часто отходит от рас-
пространенных классических русских размеров.
Однако я стремился к тому, что, изложенная по
звучанию оригинал, мои переводы были все
таки в духе русского стихосложения. Поэтому
при известном внимании к роли цезуры (полю-
совой паузы) в моем стихе, его всегда можно
прочитать, как стих. Необходимость цезуры у ме-
ня в большинстве случаев подсказана знаками
препинания.

В языке Махтум-Кули, в общем считающем-
ся чистым и понятным, встречаются архаизмы и
варваризмы. Перелюбки слова иранские и арабские.
В переводах из Махтум-Кули иностранные сло-
ва я употребляю обычно только тогда, когда они
восточного происхождения (например: фераз,
мишень). Изредка пользуюсь словами древне-

греческого происхождения, еще реже — латинизмами (например — перлы). Иногда мною употребляются такие архаизмы, как «очи» или «вервие». Это в духе Махтум-Кули, к туркменскому изданию которого на 99 стихотворений понадобилось 369 примечаний лексического порядка.

По прагматической сжатости и по краткости слов туркменский язык может поспорить с английским. Это является большой помощью для русского перевода. Это же обязывает переводчика к подбору слов, самая протяженность и морфологический характер которых соответствует стилю оригинала. Нельзя при переводе забывать и о фонетических особенностях оригинала — о присущем ему преобладании резких согласных звуков и о сложной перекличке этих звуков, наугоривающей ткань стиха подобно туркменскому ковру.

Я знаю, что до сих пор, в особо торжественных случаях, туркмены клянутся именем Махтум-Кули. Зная, что значит для них этот поэт, я и хотел помочь русскому читателю взглянуть на Махтум-Кули глазами туркмена, хотя бы в какой-то мере. Я бы не был в состоянии предпринять эту попытку, если бы не широкое содействие Туркменского института языка и литературы, по инициативе которого предпринято это издание.

Марк Тарловский.

24/8 1940 г.

I
СТИХИ
ПРОГРАММНЫЕ

ЧУЖД

Что воздвигнет муж на земле,
Если он разрушений чужд?
Не бывает благостен тот,
Кто дурных побуждений чужд.

В непреклонном беке народ
Видит свой надежный оплот.
Достигает победы тот,
Кто вражды в доброте не чужд.

Тем, что лечишь, переболеи.
Не чурайся горьких питей.
Худший грешник — тот из людей,
Кто душевных мучений чужд.

При оценке не верь клейму.
Подчиниться надо тому,
Надо выдать клады тому,
Кто захвата в нужде не чужд.

Никогда не будет богат,
Кто не трудится в десять крат.
Кто завистлив, не виноват:
Только был бы он лени чужд.

Лев, сметавший волков хвостом,
Будет взыскан вышним судом.
Порадеет пророк о том,
Кто порыва к измене чужд.

Иль рождай слова-хрустали
Иль безмолвствуй, Махтум-Кули!
Мы — бесхвостые кобели,
Если дух наш сомнений чужд.

ЛИШЬ БЫ НАЙТИ

Кто беден, тому шитье, ткани, шелка
Заменит грубый килим—лишь бы найти..
Там, где свежего хлеба нет ни куска,
Довольны будут сухим—лишь бы найти...

Только пахарь оценит труд и возню,
Без которых погиб бы хлеб накорню.
От дорожных колючек нашу ступню
Ветошью мы защитим—лишь бы найти...

Миг для глупых—все, следствия—чепуха.
Плод не созреет, если земля суха.
Пусть надменная знать не чтит пастуха:
Скотиной он будь чтим—лишь бы найти...

Легкость, беспечность молодости
подстать,

Ей, говорят, и о не о чем горевать.
Пусть, лишась зубов, нечем хлеб

разжевать:

Беззубый справится с ним—лишь бы
найти..

Жалоб пустых, Махтум-Кули, избегай.
Многим друзьям на век ты сказал
«прощай».

Не переступит персть твоя через край.
Мы духом тлен победим—лишь бы
найти....

МЫ

Слов моих вечность чуют султан и шах,—
Пусть мгновеньны подобно поземке мы..
Вздумав искать радушия во дворцах -
Скатерной не найдем там касмки мы.

Но процветают тут же клеветники;
Вяжут кушак все туже ростовщики;
Кривде служит меч, истине вопреки;
Видим в душах густые потемки мы.

Честному ставят путанника в пример;
Копят деньгу обманщик, плут, изувер;
Смолк навек благородный Хайрул-Бешер,—
Предка не слышим в его потомке мы.

Имя бай тому, чье ремесло — захват.
Много их, чья жизнь—один сплошной
разврат.

Снадобий нет,—до гроба недуг влачат.
Мудрые, мир обходим по кромке мы...

Братом насытиться каждый брат готов;
Шахский визирь налог брать с заплат
готов;

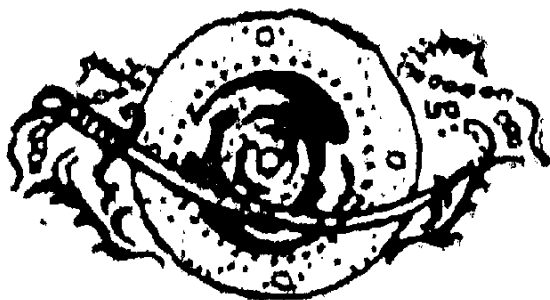
Воин служить, где больше сулят, готов;
Вместо наук, бред слышим громкий мы.

Плутням бесстыжих муфтиев нет числа:
Суть закона сквозь пальцы их утекла.
Свинством страна повальным занемогла,—
Бога не зрим в толпе-скопидомке мы.

Лгут и ишан и дервиш, в распутство влав;
Девы свой по блудницам равняют нрав;
Смяты грехами стебли целебных трав,
И не найдем не смятой соломки мы.

Скажет Махтум-Кули: друг из друзей —
честь.

Бывших друзьями нет—их измен не счесть.
След их и тот простыл, только опыт есть...
Так влачим, учась, наши котомки мы.

И
СТИХ
О
ТЩЕТЕ
МИРА

ТЫ

Раз отец твой страсть познал.
То, что в нем вскипело, — ты.
Был ты жидок, был ты ал —
Превратился в тело ты.

Чревом матери вскормлен,
Девять лун ты ждал пелен.
Из семи частей креплен,
Богом исшит умело ты.

Душу дал он, разум дал,
С речью, с ухом, с глазом дал,
Все одним приказом дал,
Стал державой целой ты.

Был ты в детстве баловник,
Но ходить пешком привык,
В разнородный говор вник,
Хлеб отрезал белый ты.

Забавлялся ты с детьми,
Ты учился лет с семи,
А в четырнадцать — людьми,
Жизнью, взят был в дело ты.

Стал подруги детства мил,
С ней себя соединил;
Бог поил вас и кормил,
Рыскал всюду смело ты.

Все в лет в двадцать ни о чем.
Был ты первым ловкачом:
Знал коня, владел мечом,
Шел на вражьи стрелы ты.

В тридцать лет был полон сил,
Был кутилой из кутил,
Время в играх проводил,
В плод впрызался спелый ты.

Верный спутник седока.
Конь твой взмыливал бока,
Годы шли, и к сорока
Вышел, мыслью зрелой, ты.

Ты не вырастил внучат,
Ветви голыми торчат...
Нет отдыха и в пятьдесят,
Хоть белее мела ты.

В шестьдесят — твои виски
Тонут в паводке тоски;
Все — прорехи, как ни тки;
Стал травой сопредой ты.

Десять лет еще спустя,
Стал ты празден, как дитя;
Ты с земли встаешь, кряхтя...
Не в поре ль предела ты?

Как с тобой мирился свет
До восьмидесяти лет?
Чем ты в старости согрет?
Стал стерней горелой ты.

В девяносто — чувства вдруг;
На руках — сто тысяч пут;
Скажешь слово — засмеют;
Истукан замшелый ты.

Как бы в прошлом ни цвели,
Мы — в итоге лишь нули.
Лучше б жизнь Махтум Кули.
До ста лет не тледа ты!

МИР ВЛЮБЛЕН

Для тела сердце — падишах.
Он страстен, памятлив, умен.
В его державе — семь частей.
Семь озабоченных племен:

То дом, то конская спина;
То степь, то горная стена, —
Все — только пляс веретена,
Все — только водоверть времен.

Мой смысл и бредни, мир, твои
Суть две разделных колен.
Цветным клубком двойной змси
Лоб Сулеймана оплетен.

Пусть вокруг престола — изумруд,
Пусть ярок блеск алмазных груд,
Пусть верен раб и сыт верблюд, —
Бек ада более силен!

Мы видим счастье лишь во сне,
Змеятся трещины в стене,
Но в неустанной беготне
Века, подобья веретен.

Рок — тетива, а смерть стрела.
Махтум-Кули, их цель — скула.
С кем тень удачи не спала! —
И в эту шлюху мир влюблен..

ДЫМ

Ткань долговечности тонка.
Что на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка, —
Скользящий без запрета дым.

Не увлекайся суетой:
Весь этот мир — ночлег пустой.
Трудней сказать — «кочевник, стой!»
Чем сохранить для света дым.

Заржет скакун, твой видя труп,
Его другой возьмет за чуб,
Но смертный близится уступ:
Весна — огонь, а лето — дым.

Сгорит нарушивший обет.
Спасенья миру тоже нет.
Мы смерть вкушаем, как шербет,
Но в запахе шербета — дым.

Кто обойти свой хочет срок,
За гробом будет одинок.
Для тех, кем не был чтим пророк,
Слова его завета — дым.

Продажен мир, Махтум-Кули, —
Притон, куда всех шлюх смели:
Для девки ложе застели,
И убедись, что это — дым!

ЛБЫ

Ну кто б, товарищи, постиг,
Чем завтра стукнут в наши лбы?
Мы неpotребства всякий миг
Ждем от распутницы судьбы.

Предстанет смерть, разверзнет пасть,
Умрет в тоске, кто пожил всласть,
Земля питает к плоти страсть
И стан сжимает без борьбы.

Тех, кто доверчив, ждет просчет:
Сто тысяч раз им рок солжет.
Он их скота не сбережет.
Достаток — сон, и все — рабы.

Зерном, насыпанным в силок,
Завлек доверчивого рок.
И, косо глядя, под шумок,
Оплел сетями ворожбы.

Махтум-Кули, за всякий шаг
Ответит стуком твой костяк,
И рады будут натошак
Ему песчаные горбы!

И ВСЕ.

Наш мир—упорный игрок,
Но ставка снята — и все.
В игру он друзей вовлек,
Им спутал счета — и все.

К звезде престол воспарил:
То царь Сулейман почил.
Сто люлек и сто могил...
Премудрость проста — и все.

Будь, шах мой, от бед храним!
Был всем богат Ибрагим,
Но что оставил другим?
Копилка пуста — и все.

Бред сердца горяч, горяч.
Вкруг чресел — кумач, кумач.
Наследует плачу плач,
А счастье — мечта, и все.

Гвоздиками рдеем мы,
Песками желтеем мы,
Золою седеем мы,
Меняем цвета — и все.

К чему о земном жалеть?
Ты, связанный, будешь тлеть.
Прочна могильная сеть,
Прочна и густа — и все.

Поменьше словом шали:
В тупик слова б не завели.
Рыдайте с Махтум-Кули,
И кровь и уста — и все!

СПЛАВОМ БЫТЬ

Не кичись высотой, скалистый хребет!
Быть размытым тебе, рудным сплавом
быть.

Не шумите, моря! — за грядою лет
Под песками, как наша земля, вам быть.

Грозных львов человек в мышей обратит.
Как букашку слона недуг победит.
Ящер нильских глубин и заморский кит,
Под седлом грозowego осла вам быть!

Мир, услышишь ты некогда судный гром.
Бывший палкой невинных — заплатит лбом:
Угнетателю — быть последним рабом;
Угнетенному — львом величавым быть.

Скакуном и красавицей тешься всласть:
Ты умрешь и утратишь над ними власть.
Чтобы в рай правоверных с честью

попасть,
Надо схожим с верблюдами нравом быть.

Как Лукман, проживи ты несколько эр,
Иль разбей, как Рустем, всех дэвов
пещер,

Обнаружься в тебе второй Искандер,—
Все же прахом тебе и державам быть.

Если людям совет преподносишь свой,
Испытай на себе тот совет впервой.
Мужу сердцем открыться — быть с
головой;

Поякшаться с мальчишкой—безглавым
быть.

Говорит, поразмыслив, Махтум-Кули:
К добродетели голову приклони.
Сохраниться надолго пища в соли.
И тебе лишь меж правыми правым быть.

ВРАГИ ИЗ ВРАГОВ

Мир — ваш недруг разини, дети детей!
Груз вашей наживы — он враг из врагов.
Гомонят восемнадцать тысяч страстей,
И все их приливы — враги из врагов.

Раб, рабыня, скакун, осел и баран.
Меч, кушак, наковальня и ткацкий стан,
Жена, дочь-девчурка и сын мальчуган,—
Все то, с чем в связи вы — враги из
врагов.

Мир — дворец, где шумят плясун и
дударь,
Где помазанник — бог, где подданный —
тварь.
Бойтесь мира, владыки: он мстил вам
встарь.

Паши и хедивы! он враг из врагов.

Обнищавший погибнет без ремесла.
Старость бьет иноходца, волка, орла.
Звон казни, крепость зуба, размах крыла,
Роскошество гривы — враги из врагов.

Жизнь — угодница смерти, о том не
спорь.

За здоровьем подкрадывается хворь.
Есть предвестие бури в кротости зорь.
И тишь и порывы — враги из врагов.

С глазом глаз не поспорит, Махтум Кули;
Спать без правого левому не вели, —
Так и правда б и я быть врозь не могли..
Мир, сны твои лживы, ты враг из врагов!

ПЕСКОМ

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком.
Сад, где гремел неистовый соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.
Долго не держит прищельца ложный мир.
Чаша скупа, и краток жизненный пир.
Жребий один—у скромников и задир:
Станут бек и раб, плут и пророк —
песком.

Старость в жилы свой тихо вливает яд
Стены нашей души — терпят гнет осад
Юности вслед глядишь — как вернуть
назад?

Мышцы, кости и кровь—станут в срок
песком.

Пусть обжора все жертвует животу, —
Брезгай им, руки не подавай плуту.
Мало ль горных троп, поднятых в
высоту,
Стерло сорной травой, зной облек
песком?

Кто, Махтум-Кули, неуязвим у нас?
Чей истлевший прах мы оживим у нас?
Смерть наполнит рты ветром сухим
у нас:
Все — песок, и всех—кроет песок
песком.

МИР, ХЭЙ!

Те ладьи, что гордо плывут в лонах рек
Опрокинешь ты кверху днищем, мир, хэй!
Стань перечить нравам твоим человек,
Разлучишь ты его с жилищем, мир, хэй!

Кто готовился жить, духом вдруг миссяк.
Где ступал я ногой, ляжет мой костяк.
Во вращенье времен—всех земных гуляк
Ты попрешь своим сапожищем, мир, хэй!

Нет у мира пути и причала нет;
Дня, когда бы нас смерть не встречала,
нет;
Нет злодействам конца и начала нет;
В скудоумьи живешь ты нищем, мир, хэй!

Сзади крадучись, душишь и ранишь ты;
Путать худо с добром не устанешь ты;
Полным меда соцветьем приманишь ты
И отравишь нас корневищем, мир хэй!

Лето, осень, зима и весна — твой круг;
Блещут красками море, горы и луг;
Но живое избудется, как недуг;
И пребудешь ты пепелищем, мир, хэй!

Многих ты, как былинки, их вдунул—съел;
Магометово сердце проклянув, с'ел,
Сулеймана, Гаруна, Каруна съел —
И едва ли их прах мы сыщем, мир, хэй!

Непонятен Махтум-Кули скрытный мир.
Топчет прошлое нелюбопытный мир.
Перестань же блудить, ненасытный мир.
И, рассыпавшись, будь кладбищем, мир,
хэй!

О, МИР!

Мир, звенящий железом своих когтей,
Ты жадливей голодного пса, о, мир!
Сколько б ты не стяжал, не станешь
сытей.

Нам для счастья даешь полчаса, о, мир!

Мир мне шепчет—«найдешь ты подругу...»
— ложь!

«Окажу вам любую услугу...» — ложь!
«День и ночь предавайтесь досугу...» —
ложь!

Ты увертливей спиц колеса, о, мир!

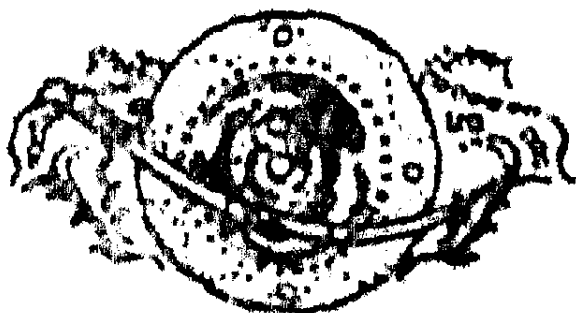
Можешь бурей дохнуть из горнила вдруг,
Можешь выпарить воду из Нила вдруг,
У слона изничтожится сила вдруг,
И его обезумит оса, о, мир!

Искрошится любая лава твоя;
Отгремит любая держава твоя;
Все, что ты сотворил, — забава твоя:
Смоешь горы и выжжешь леса, о, мир!

Ткань души отберешь — ей возврата нет,
Ей цены, будь хоть в золоте плата, нет,
На имущество прав, если взято, нет
И враждебна твоя нам краса, о, мир!

В день присваивал сорок коней Карун,
У него был на диво каждый скакун.
Отчего же, скажи мне, мир-потаскун,
Лишь ослом обходился Иса, о, мир!

У Меджиуна украл ты его Лейли.
Всех друзей не оплачет Махтум Кули:
Всех под шкурой твоей, казнив, погребли,
И она, как пустыня, лыса, о, мир!

III
СТИХИ
ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЕ

НЕ ПОЙМЕТ

Никчемный бек от ловчей птицы сбежит:
Какой подставить ей кулак, не поймет.
К дурному беку доступ нищим закрыт,
Просьб угнетенных он никак не поймет.

Какие где в дороге зарубки — знай,
Хвалить чужие надо поступки — знай.
На что решиться, ты и без юбки знай:
Трус—ничего без бабьих врак не поймет.

От стычки с храбрецом — возможен ли
вред?

Где подвиг, там плевать на семьдесят бед.
В пустыне жалок трус—теряет свой след,
А если враг вблизи, дай знак—не поймет.

Подачка бедняка на скорбном пути,
Одна хоть, в судный день равна десяти.
У труса—пред клинком озноб до кости,
Храбрец—как жить без битв, без драк,
не поймет.

Знай, бек, Махтум-Кули свободные слова:
Кто мудр и смел, лишь тот народный глава.
Возьмет он над шашкой холодной права,
Но и простых вещей дурак не поймет.

ЧТО СМЫСЛИТ?

Попадись мукомолу ловчий орел,
Птице быть без крыла,—что в ней
смыслит он?

Если бедный пастух на алмаз набрел,
Скажет — «щебень стекла!» — что
в нем смыслит он?

Кто, ослиную спину видя одну,
По дорогам пустую таскал мощну,
Тот предложит и ханскому скакуну
Ветошь вместо седла, — что в нем
смыслит он?

Кто не может пьянеть от любовных
струн.

Кто не трогал красавиц, будучи юн,
Тот Лейли не почитит как пылкий

Меджнун:

Только скажет — «мила!» — что в ней
смыслит он?

Кто богат, кто трудится день-деньской,
Тот не знает, как сладок краткий покой.
Кто в песках не жевал колючки сухой,
Скажет — «хлеб твой — зол!» — что
в нем смыслит он?

Кто богатство свое упустил из рук,
Горький вкус нищеты постигает вдруг.
Здоровяк, в чьей крови не гулял недуг,
Мнит, что вечны тела, — что в них
смыслит он?

Если озеро летний не выжег зной,
Мало ценит кулик свой рай водяной.
Кто весь век за чужой ездил спиной,
Дай ему удила, — что в них смыслит он?

В чье лицо жар неволи не полыхнул,
Чьих под вражьим ярмом не дробили
скул,

Тот не знает, как дорог отчий аул:
Мир родного угла, — что в нем
смыслит он?

Друг, ровесник, товарищ мой, не хули
Этих благ, что с тобой мы здесь
обрели!

Кто под звуки творений Махтум-Кули
Не разгладит чела, что в них смыслит он?

РАЗВЕ ПОЙМЕ?

Тот, кому невдомек и собственный чин,
Что толпа, что знать, разве сразу
поймет?

Разве шалый пропойца, пропойцын сын,
Толк в святыне, с пьяного глазу, поймет?

Среди умников дельный совет в ходу,
А глупцы обращают его в беду.

Разве пес, подобравший с песка еду,
В чем отличие песка от таза, поймет?

Пусть заоблачный гром весь мир потрясёт,
Ухом бедный глухой едва ль поведет.
Пусть язычник раз тысячу пост блюдет,
Что он, грешный, в словах намаза
поймет?

Знают всадники цену конских копыт.
Цену золота знает золотобит.
Если подвиг джигита хвалит джигит,
Что жена из его рассказа поймет?
Видит правду Махтум-Кули пред собой:
Видит — ложь помыкает жадной толпой.
Если зрячих людей не спросит слепой,
Он, как в камне, в куске алмаза поймет.

НЕ ЖДУТ

От неспособных поощрять
Ни чести, ни наград не ждут.
Благоразумный, слов не трать,
Когда от них услад не ждут.

Кто черств, и память в том черства.
Сухим ветвям чужда листва.
Сред глупых — мудрым нет родства:
Их там ни мир, ни лад не ждут.

Песка не ищет водонос.
Никчемен, кто невеждой рос.
Где пост, там выгод кот и пес,
На свой звериный взгляд, не ждут.

Усердье лечит от нужды.
Цветеньем роз живут сады.
Тебя хвалы чужой среды,
Служи хоть век подряд, не ждут.

В тылу шумлив, кто в битве вял;
Милей, чем всем, ему привал;
Мечом сверкает самохвал,
Когда ничьих засад не ждут.

Трус может жить, как скот, в грязи.
Когда не видно льва вблизи,
Шакал с лисой кричат — «грызи»:
Того, что им повадней, ждут.

С придурковатым вздор мели.
С джигитом пыл его дели.
Строк не слагай, Махтум-Кули,
Когда их с мыслью задней ждут.

ВСЕ Ж

Как льстец не звал конем осла,
Тот шагом брел ослиным все ж.
Хоть верит плут в свои дела,
Он не придет к вершинам все ж.

Ты б мог быть ветром на пути,
В своем рассудке смерч нести,
Но, где безветрие в чести,
Ты ниже глупых чинов все ж.

Сокровища спокойно трать.
У мира суетная статья.
Хоть будет сердцу дорог зять,
Он не сравнится с сыном все ж.

Как немощь старца ни калечь,
Как ни стихай для стонов речь,
Но, если мог детей сберечь,
Они оплот сединам все ж.

Престранный мир Махтум-Кули:
Один ликуй, другой скули..
О рае грезят миндали
И льнут к земным долинам все ж.

МОЛ

Бахвалится горсть песку:
Я — гвоздь земли, скала, мол.
«Карр-карр», мол, слаще «ку-ку».
Щегол сильнее орла, мол.

Не корчь из себя столпа,
Не прыгай выше пуга.
Что мнит о себе толпа?
Кость у нее бела, мол.

Заносится всякий шут,
Ничтожества в гору прут,
Кичливец, как бек, надут:
Юдоль ему мала, мол.

Гордец задирает нос:
Он, мол, до джина дорос...
Подкову хулит, кто бос:
Ведь конь слабей осла, мол.

Я спесь держу про запас.
Я — раб, без всяких прикрас:
Пред медом пыжится квас;
Масло вкусней смолы, мол.

Надменность являть творцу —
Махтум-Кули не к лицу:
Дурак, мол, суд мудрецу;
Нежней цветов метла, мол.

МУЖ

Холодит сердца, как метель,
Слепо все хватаящий муж.
Лучше верный дому кобель,
Чем во лжи плутающий муж.

Между тем как сотни забот
Свой свершают круговорот,
Всех друзей лишается мот,
Жизнь игрой считающий муж.

Не приманешь золотом пса.
Для невежд мой стих — словеса.
Труд презрев, гневит небеса
Зря добро мотающий муж.

Кто привержен к утренним снам,
Не награду емлет, а срам.
В стыд пророку, богу и нам —
С явью ложь сплетающий муж.

В людях словом, Махтум-Кули,
Жажду истины утоли.
Пред тобою — ничтожней тли
Гнусный вздор болтающий муж.

МАЛЫЙ

В труде не выросший, потом
Не добьется сноровки малый.
Дуреет, разживясь скотом
Знавший лишь голодовки малый.

Муж дельный — все без слов поймет,
Невежда — слушая, заснет.
Халат некстати распахнет
Непривычный к обстановке малый.

Набравший копий и кольчуг,
Арабских седел и подпруг,
Порой сбежит от битвы вдруг,
От любой потасовки малый.

Неряху не зовут к столу.
Не лезет ворон под стрелу.
Напрашиваясь на хвалу,
Может вызвать издевки малый.

Не повторив себя ни в ком;
Прожив бездетным бирюком,
Не будет с вечностью знаком
Жен томивший в пустовке малый.

За серебро сойдет свинец,
К рабыне тянется вдовец.
Став нищим с пери, под конец
Убежит от мотовки малый.

Кляня чудовищный побор,
Скотину к муфтию во двор,
Чтоб накормить святых обжор,
Приведет на веревке малый.

Костер для путников зажги,
Будь то и кровные враги;
Стань к ним внимательней слуги,
Чти обычай ночевки, малый.

Махтум-Кули, щади слова!
Их суть для неуча мертва:
Из тысячи одно едва
Перехватит неловкий малый.

ВАХ!

Оборвыш выклянчит рубаху, срам прикрыть:
Надев рубаху, скажет — «нет халата, вах!»
Скулит голодный: «коркой — господи,
насыть!» —

Поест, и скажет: «корки—маловато, вах...»

Привыкший с молодю терпеть нужду
джигит,
Когда конем его случайность наградит,
Когда оружие он сыщет, — все грустит:
«Зачем за хлеб с меня берется плата? вах!»

Покончит с хлебом и желает, став резвей,
Жену-красавицу и кучу сыновей.

А там и «власть, — кричит, — удача, мне
навей, —

Была б страна моей пятой прижата, вах!»

Уже мечтает ненасытный ханом слыть,
Владельцем редкостных сокровищ жаждет
быть

И у самой всесильной смерти сбавить прыть,
Чтоб не грозила ни одна утрата, вах!..

Махтум-Кули, ты, говорят враги, ворчун...
Ну что ж, но зависти ты чужд и сердцем юн.
Сглотнет весь мир глазами жадный, —
«но Гарун
Жил, — скажет, — более еще богато, вах!»

НАЙДЕМ

Сто тысяч старцев навек уйдут сейчас,
Детей мы столько ж в замену им найдем.
Сто тысяч бредней собьют с дороги нас,
И мы сто тысяч прямых путей найдем.

В сто тысяч глоток дервишский сброд
                                                вопит,
Росой кровавой смочив испод, вопит,
В слезах, обильней весенних вод, вопит,
Но тех, чей хохот еще звончей, найдем.

Весь мир обшарим по четырем углам:
В святынях — нечисть, смешались честь
и срам.
Найдем мы склонных к одним благим делам,
Но и грешащих под ревом чертей найдем.

Жена без проку и муж без головы!
Вот жемчуг мыслей, но их поймете ль вы?—
Где Сулейман с Рустемом? где эти львы?
Едва ли пыль мы от их костей найдем!

Ты слишком рано, Махтум-Кули, умолк:
Пусть мир—деляга и чтит лишь четок щелк,
Пусть редкий странник находит в песке толк,
Но мы подобных еще гостей найдем.

СВЯТЫЕ СТАРЦЫ

Вы, кто лет семьдесят живете божбой,
Вам отслужили звезды, свет их потух.
Лисицы, псов не видя перед собой,
Съесть льва мечтают, когда он, спящий, глух.

Кричит ворона: «сокол уступит мне!»
Но превзойдет он сотни ворон в цене.
Крохотный ящер видит в полдневном сне,
Что он глотает змиев, как жалких мух.

От ста шакалов хромая лань уйдет.
Тигренок девяносто лисиц примнет.
Тысяча жаб пред дохлой змеей струхнет.
Чтоб в это вникнуть, потребны ум и слух.

Езид ушел из Мекки, разграбив храм,
И продает щепье его по дворам.
Вы свой лет семьдесят лелеяли срам
И, веселясь, блудливо гладили шлюх.

С вас вашу святость, старцы, я совлеку!
Вам богомолец нищий нес в дань клюку,
На этом свете трудно жить бедняку,
Чей духовник надменен и толстобрюх!

Уйду-ка я подальше от тех святош,
Без чьих молений был бы наш мир хорош,
Чтоб избежать мне одной из женских нош,
Чтоб мой живот от ласки мужской не вспух!

Еще силен твой недруг, Махтум-Кули!
Тебя сосудом счастья здесь обнесли, —
Иди же прямо в Мекку и там моли
О том, чтоб вечно чистым пребыл твой дух!

СТРАШНЫЙ СУД

О, друзья, эти строки правду таят.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд...
У людей в небрежении шариат, —
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Проповедник-мулла нам бормочет вздор.
Мы живем шарияту наперекор.
Заправляют делами голод и мор.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Муфтий взятки берет с обеих сторон,
Чтоб того засудить, кто им разорен.
Заправляет делами вражда племен,
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Рейс-чиновник со всех сдирает налог,
Непокорных арканом он валит с ног,
Торжествует стяжатель, раб изнемог, —
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Врун-ишан — не дурак он проспать намаз,
Не протрет ни зимой он, ни летом глаз,
Этот пошлый мздоимец в грехах погряз,—
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Шляться в Мекку для служки — доходный
труд.

В пост украдкой он жрет со скоромных блюд.
Он считает за чудо дьявольский блуд...
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Шейх молиться пойдёт, как тихая лань,
Закатив домочадцам баню из бань
И с кораном смешав базарную брань!
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Мнит хаджи, что в чинах только он один,
Называет себя «Кьям-Асам-Эддин»,
Мальчуган его, прыщ, и тот господин!
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Старшина грабежей не ставит во зло,
Лжесвидетельских брюх — его ремесло,
Много жертв перед ним мошной потрясло.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд...

Баю жизни дороже его казна,
Бродит он, не вкушая сладкого сна,
Перед бедными совесть его грязна.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Бай зеката не платит, не так он прост.
Он ссужает иного, но только в рост.
За спиной его — многих проклятий хвост.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Рад отец, если отпрыск его смазлив,
Будто это в доходах сулит прилив,
Будто сила — в бесстыдстве усов да грив.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Нет стыда меж невестой и женихом, —
Обнимаясь при людях, ездят верхом.
Молодежь промышляет свальным грехом.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Мир в распутстве утратил последний стыд.
Обличает порочный их блеклый вид.
Добродетели терпят натиск обид.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Здесь, ремесла презрев, торгуют вином..
С дрожью в сердце я думаю об одном:
Этот мир будет вывернут кверху дном!
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

Можно кончить на этом, Махтум-Кули,
Лишь бы умные повесть твою прочли.
Всех покровом мы с мира б не совлекли.
Раз'ясните мне, скоро ли страшный суд.

IV
СТИХИ
ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

НЕ ЖИВИ

Прими мое напутствие, дорогой:
Став для врагов услadoю, не живи.
Плохая честь—ничтожеству быть слугой.
Скользя все вниз, все падая, не живи.

Уж если быть наемником, то в роду,
Где знают цену подвигам и труду.
Случись таким хозяевам впасть в беду,—
На них брюзжа, досадуя, не живи.

Тот, кто правдив, не тянется за лжецом.
Подлец всегда останется подлецом.
Когда рожден породистым бегунцом,—
Одром, ушами прядая, не живи.

Лишь те дома, где ждут тебя, посещай.
Как сел, как встал, как держишься, примечай,
Нам на чужбине поданный горек чай,—
Там, обольстясь наградой, не живи.

Не принимая трапезы за жратву,
В подборе места следуя старшинству,
Остерегайся чуждого по родству;
В поклонах низко падая, не живи.

Впрягая нас в работу, подарки сей.
Веселый труд — не бремя для наших шей.
Звучанье истин сладостно для ушей.
Словами нас не радуя, не живи.

Умей с душевной слабостью совладать,
Из бед взошла ль однажды хоть благодать?
Где нет воды, там зелени не видать, —
Одной ночной прохладой не живи.

Всем достарханам истина достархан.
Пред нею трезвым станет, кто ложью пьян.
Служи народу праведно, мальчуган;
За супостатов ратуя не живи.

Лютей, чем стужа скупости, стужи нет.
Плох, кто погряз в жестокости,—хуже нет.
В нной толпе достойного мужа нет.
Душой на подкуп прядая, не живи

Кто постоянно с богом душой слиян,
За тем покорно следует караван.
Без веры нет поводи́я и нет стремян,
Не жди без веры стада и не живи.

Будь ты могуч, как некогда Искандер,
Иль собери сокровища всех пещер,
Вторым Гаруном сделайся, например,—
Твердя все «я», все «я» да «я», не живи.

Рвут псы того, чей нищенский худ халат,
Ждет суд посмертный тех, что в мыслях
грешен;
Отдай свой меч, коль вяло в руке он сжат.
С женой, не сделав чада ей, не живи.

Мир поражен бесплодием солонца,
Взрастив скупца, гонителя, гордеца.
Грядой камней навалены их сердца:
Там, где легли громадою, не живи.

Иному—власть с младенчества по плечу,
Другим—терпеть лишь вервие да камчу.
Того, что мной посеяно, не топчу,
Но сорняка пощадою не живи.

Мой друг, пойми: кто с истиной совладел,
Коня судьбы неистовой обуздал.
И, если ложь ты, рыская, растоптал,
Ее живить не надо и не живи.

Все то, что здесь ты выслушал от меня
Иной воспримет, голову преклоня.
Но, если даже скажет он — «болтовня!»
Земле не став отрадою, не живи.

Махтум-Кули, сотрется любой из'ян,
Когда к тебе от бога придет фирман,
Фирман, гласящий—«неуч, кончай диван».
Читал, читал все кряду я,—не живи!

ХОТЯ Б

И девяносто лучших блюд не еда,
Раз к ним приправы нет, щепотки хотя б.
Как разберет слепой, что близко беда,
Не будь в измену зренью сметки хотя б?

Ногами ходим мы, руками берем,
Но это ценит тот, кто без рук иль хром...
Когда нам мелют вздор, раздастся ли гром,
Чтоб помолчать пришлось трещетке хотя б.

Приняв от бога душу и хлеб и соль,
На грядках сердца—рвенье растить изволь.
Что к ней пришел хозяин, узнает голь,
Заслышав скрип его подметки хотя б.

Когда струится в сердце любви родник,
Оно кипит, и мощью дышит язык.
Ты б откровенье слова в слове постиг,
Приняв от благ земных ошметки хотя б.

Мир устремится скоро в тартары,
Не образумь нас небо до той поры.
Пресна, как хлеб бессоленный, речь без игры:
Намеком дань отдай красотке хотя б.

Не забывай весною осенних бурь.
Где надо, зубы стисни, глаза зажмурь.
Во всем доверясь богу, не бедокурь:
Да будем скромны мы и кротки хотя б.

Махтум-Кули, мечтая, мир облетел—
Каких при том диговин не разглядел!
Прости мне тот, кого я в речах задел:
Они правдивы, строги, четки хотя б..

БРОСЬ

Эй, друг мой, тысяч слов на труса не трать!
Увещевать его—прочь отпрянув, брось.
Когда в его руке дрожит рукоять,
Борьбу с таким врагом—бранью грянув,
брось.

Когда в речах ты слаб, когда ты несмел,
Пусть говорит другой—ты б лучше присел.
Когда тебе не в мочь взять верный прицел,
Ждать выгоды от стрел, от колчанов, брось

Для многих жен слова—треск только сухой
Махтум-Кули, их лбы набиты трухой!
Такую пойлом ты окупишь с лихвой,
К ногам другой—казну в сто туманов брось.

СОЙДЕТ

В легкой скачке коню арабских кровей
Под ногой бархан за крупцу сойдет..
Молодчине, заросшему до бровей,
Сто—с десяток, год за седмицу сойдет.

Трус, чей меч никого не сек, не колол,
За разбойника примет древестный ствол.
Смельчаку, что робость в себе поборол,
И огонь стрельбы за зарницу сойдет.

Кто богат, но коня найти не сумел,
Кто умен, но избрать пути не сумел,
Кто в беседе двух слов сплести не сумел,
Тем тамбурный гром за скрипицу сойдет.

Смелый сокол отступит перед орлом,
Но сычам с ним не сладить вдесятиром.
Перед уткой, что бьет по воде крылом,
Даже гусь за хищную птицу сойдет.

Мы среди трусов—подветренные корабли.
Равнодушных едва ли б песни зажгли,
И кипучее слово Махтум-Кули.
За последнюю небылицу сойдет.

ОДНО

Облака и истоки рек
Для вершины горы — одно.
Юный, старый ли человек,
В час народной игры — одно.

И в молчании речь слышна.
Окись золоту не страшна.
Кто сказал, что поступь слона
И полет мошкары — одно?

Сыт бычок на лугу своем,
Направляемый бугаем.
Добрый конь, покрыт ли тряпьем,
Или носит ковры, — одно.

Избегает честный плута.
Лев не ест из лисьего рта.
Льву голодная тошнота
Или песьи пиры — одно.

Пленник стерпит бремя петли.
Трус погибнет, как ни юли.
Для спасенья Махтум-Кули
Слово, меч и дары — одно.

ЕСЛИ ЕСТЬ.

Верный слуга, блюдя господский наказ,
Шелк меняет на шерсть, если расчет есть.
Праведный муж, который в беде увяз,
Может дела поправить, если скот есть.

Плохо спится в местах со славой дурной.
Путник спутнику рад порою ночной.
Рад каравану вышедший на разбой.
Рад ненашедший лодки, если плот есть.

Всюду ль речь моя истину разнесла?
Старость ко многим рано в душу вползла.
Нищий пастух единственного осла
Даст за камень, если в нем приворот есть.

Всякая тварь трепещет, чуя врага:
Уж—где еж пыхтит, грач — где ждет
пустельга,
Лань—где лев рычит, слон—где видит рога.
Червь, забравшийся в корень—если крог есть.

Истый муж всегда делу укажет путь,
Плут же, наоборот, в нем разводит муть.
Дух свой золото губит, если есть ртуть.
Жук—если печь, и муха—если сот есть.

Жаждающий счастья, эй, чем тебе помочь?
Ладишь ты с женой, любишь сына и дочь..
Яркий звонкий запас на черный день прочь:
Деньги—друзья, если радостный взлет есть.

Ставил Махтум-Кули вкось и вкривь ступни,
Внуки об этом нагородят брехни....
Целым наследству быть у скромной родни,
Плохо добро хранится, если мот есть.

КРУШИТ

Если счастье любимца признало в ком,
Зубом мудрости он изумруд крушит.
Если в горло беда нам вогнала ком,
Наши зубы и тесто «палуд» крушит.

Убегая от смерти, не лезь в поток:
Не удержишь души, если он глубоок.
У об'ятого страхом ломкий висок
И тростинка, годясь лишь для дуд, крушит.

Слушай, проповедь истины день-деньской,—
Не приводит неправда к цели благой.
Длятся годы признательностью людской,
Но проклятьем себя словоблюд крушит.

Любо все, что не сказано наобум,
От брехни же—в ушах только лишний шум.
В стаде—мыслящих выглядит тугодум.
А на людях мозги его—труд крушит.

Не с любим, чьи стопы на пир забрели,
Сотрапезничать можно, Махтум-Кули:
Лучшей снеси ему в сосуд навали,—
Он, бродяга и неуч, сосуд крушит.

ЗНАЙ

Чтоб турий нрав твой был в чести,
Искусство возвышенья знай.
Чтоб жизнь разумную вести,
Безумие сраженья знай.

Во взоре вспыхнут фитили
Лишь, если их мечты зажгли.
Чтоб прах твой дети сберегли,
Науку их рождения знай.

Ловцов не цапят сокола.
У рохли задница гола.
Чтоб цепь удач в руках была,
Какие выбрать звенья, знай.

Меняет кров живое все.
Подстилка в час покоя — все.
Кто забыл для боя все,
Тот избежит забвенья, знай.

Измена точит вражий меч
И стелет путь опасных встреч
Махтум-Кули, знай службу сеч
И службу угощенья знай!

НУЖНА

Изворотливость мыслей—чтоб конь был сыт,
Чтоб ни в чем не знать недостатка—нужна.
Если брат твой от двух неверных сбежит,—
В лоб такому тогда свинчатка нужна.

Малодушному подвиг не по плечу.
Надо в чуткости не уступать сычу.
Грудь, способная быть преградой мечу,
—Чтоб держаться в седле не шатко—нужна.

У титрицы учись совершать прыжок,
У лисицы учись метаться вбок.
Чтоб скакун не ленился, нужен ездок;
Чтоб работало стремя, пятка нужна.

Если чувствуешь опасность, меч наостри.
Если недруга силой не взять, схитри.
Недоноски—плохие богатыри;
Чтоб созреть и родиться, матка нужна.

На хорошем коне ускочишь от бед,
А вернешься—отыщешь вражеский след.
Удальцу за плечами толика лет
Только в два или три десятка нужна.

Если волки напали на мирный скот,
Трус не станет пред ним открывать ворот.
Нам в товарище нужен верный оплот,
Как при скачке с орлом перчатка нужна.

Свой клинок, как кабаньей клык, оголи,
Мстя врагам, за собрата, Махтум-Кули!
Чтоб сменились их копья на костыли,
В битве чести медвежья схватка нужна.

В РУКЕ

Скрепленной дружба не была б,
Не будь вина для чар в руке.
Ловчей, чем враг, чем конь-араб—
Алмазный Зуль-факар в руке.

Ты пятидневен, мир шальной!
Над честью властен хлеб ржаной.
Спесь раздувается мошной.
Залог похвал — хабар в руке.

Урод, — влюбившись, расцветет.
Меч веры — камень рассечет.
Кто в Мекке был, тому почет:
Он жмет рабов, жмет бар в руке.

На каждый вздох, на каждый чих
Не хватит откликов твоих.
От черных кос будь пьян, жених,
Как пьян от струн — дутар в руке!

Все, кто не трусы, не врали —
Льют кровь за род, крича «кому!» —
И души их — Махтум-Кули! —
Гостят в телах, как пар в руке.

ИМЕЙ

Чтоб сквозь теснину проскакать,
Коня джигита, сперва имей.
Чтоб славу подвигом снискать,
Сначала сердце льва имей,

Имей успех, чтоб гордым быть,
Имей казну, чтоб щедрым слыть.
Чтоб хлеб испечь и стол накрыть,
Для очага дрова имей.

Песок мечты течет из рук.
В дом к тугоухим тщетен стук.
Чтоб стал доступен мир наук,
С ученым нить родства имей.

Чтоб дервишам в тебе был прок.
Чтоб там пройти, где жил пророк,
Наполни золотом мешок,
Над бедняком права имей.

Махтум-Кули в доходах слаб.
Будь бай, будь нищий, честь была б:
Своим гостям служи, как раб,
В усладу им слова имей.

ЗРЯ

Тратить стрелы не стоит в семьдесят лет:
В этом возрасте бьем мы по цели зря.
В кизяковых постройках прочности нет:
Их возводят из брэнной скудели зря.

Человеческим духом отравлен мир.
В грешных пальцах мечи ржавеют до дыр.
Правоверный, чурайся пьяных задир
И не путайся с шалым от зелий зря!

Дальних странствий не ведают бедняки.
Недостойны доверия дураки:
Тайна сердца есть бог, — как сита ни тки,
Сито выпустит воду сквозь щели зря.

Плох старик, не украшенный бородой;
Плох богач, если врет про карман худой;
Если лоб дурака — лишь кубок пустой,
Не цепляй вокруг него ожерелья зря.

Дальше многих ты видишь, Махтум-Кули:
Скажут — «жизнь», это значит — «смерть»
изрекли.

Сон, пиры и слова пократче б текли!
Держат речи одни пустомели зря.

НАЙДЯ

Загнанный конь землю оставит вдовой.
С толком, всадник, скачи, дорогу найдя.
Если умрешь, не смолкнет шум мировой, —
Всласть живи, в удаче подмогу найдя.

Смотришь — двух слов не свяжет иной

джигит,

Смотришь—другойдохнет и камень крушит;
Третий—в седле, отставший от всех, скорбит,
Клячу, что еле тянет ногу, найдя.

Плохи дела у мужа плохой жены:
Губы, злясь кусать оба обречены;
Кровь твоя полна ядом ее слюны;
Плачь, в ней для себя недотрогу найдя.

Сотни трусов дороже один смельчак:
Он защитит народ и отчий очаг.
Трусу в поземке конный чудится враг,
Дрогнет он, в пустяке тревогу найдя.

Речь Махтум-Кули пристойна всем устам.
Верь наблюденьям более, чем вестям.
Трус от гостей бежит, смелый рад гостям,
Утром их, пришедших к порогу, найдя.

ВСЕГДА

Мудрый с мудрым воздухом дышит одним.
Дуралей влеком к дуралеям всегда.
День и ночь мы к любимым думы стремим;
Вспоминая, вздыхаем, млеем всегда.

Караван не заснет, где волки шалют,
Друг для друга открыт с головы до пят
Мелкодушный хозяин злобой об'ят, —
Достается сыновним шеям всегда.

К скопидому меня не завлечь силком.
Гостем труса не буду, с ним не знаком.
Скот свой прячущий выглядит бедняком.
Кто не скуп, слывет богатеem всегда.

Трус — для брани лишь дома откроет рот,
Вне наживы не знает иных забот.
Робкий к жадности склонен, морит он скот,
Смелый склонен к щедрым затеям всегда.

Обратись и к себе ты, Махтум-Кули, —
Свергни злого, невинного обели;
Не кути, не валяйся, царств не сули:
Мир спиной стоит к словолеям всегда.

НЕ СПОРЬ

Плуту благодать чужда,
Но в честном живет, не спорь.
Блаженство зрячих людей
Слепой лишь поймет, не спорь.

В чьем сердце смута кипит,
Тот терпит много обид.
О слухе глухой скорбит,
В беззвучности — гнет, не спорь.

Прячь тайну, ведь мир ушаст —
Назад ее не отдаст.
Дороже золота — пласт,
Где тайны налет, не спорь.

Нет жизни блага ценней
Жены, ребят и коней.
Арваны неров сильней,
Таков уж расчет, не спорь.

Весна, мой дух исцели —
Чтоб скорбь исчезла вдали!
Тоскует Махтум-Кули, —
Нас чувство влечет, не спорь.

СЛУГОЙ БЫТЬ

Лучше, нежели беком для бедноты,
У иных господ привратным слугой быть.
Чем прислуживать в доме, где все плуты,
Лучше в славном доме тебе трухой быть.

Стой за благо, пред худом глаза скосив!
Голубь верит, что птенчик его красив.
Пусть волчицы рожают, не доносив,
Чтоб овечьей судьбе не столь плохой быть.

Будь ты сам Сулейман, муравья заметь:
Наклонясь, его выслушай — и ответь.
Если правишь людьми, ты их должен греть,
Быть в затишьи ветром, в русле рекой быть.

От соблазнов старайся души хранить.
Пусть себя будет глупый мудрейшим мнить.
Должен ты, чтоб базарный люд приманить,
В кошельке у праведника деньгой быть.

Наши судьи заранее все сочли,
Каждый вдох наш и выдох в земной пыли.
Не тщеславным быть надо, Махтум-Кули,—
Быть опорой всем, пусть хотя б плохой.

БЕДНЯК

Сыну ислама скот — всех наград милей.
Тучных жаждет стад, бредит конем бедняк.
Если мор у тебя, лучше сам истлей:
Братья прочь уйдут, жен не вернем, бедняк!

Продан кушак, тряпьем срам прикрыт одним.
Раб на пиру не гость, к двери он тесним.
Сядь на осла богач, скажут—конь под ним;
Конь слывет ослом, если на нем бедняк.

Бывший друг не даст крошки тебе взаймы.
Зять пройдет, смеясь, мимо твоей сумы.
Твой, оборвыш, ум вражьи затрут умы.
Пешкой сгинешь ты перед ферзем, бедняк.

Знает сердце мое, гневный мой жилец:
Выход—лишь в борьбе, славен только борец
Кто другого чернит, явно сам подлец.
Гнусной лжи готовь грозный прием, бедняк!

Славь, Махтум-Кули, бога в его лучах.
Смерти всякий ждет, нищий ли он иль шах.
Кто не хотел терпеть, смотришь в год исчах;
Если терпел — все ж скинет ярем бедняк.

ЦЕННЕЙ

Двенадцать новолуний идет грядой, —
Дни Рамазана всей той гряды ценней.
Был Шам-шерип столицей в земле святой,
И всех развалин его следы ценней.

Над чудесами, боже, ты властелин.
Мы видим их, не зная тайных причин.
Хотя и сладки струи речных стремнин,
Подземный ключ их вольной воды ценней.

Цветок — отрада для мотыльков и пчел.
Он соловью ворону б не предпочел.
Но если гору зоркий дракон оплел,
Любого сада ее сады ценней.

Когда отвергло небо твои мольбы,
Когда устало сердце от мук борьбы,
Не прекратят шакалы ночной ходьбы:
Для них — то сердце любовь еды ценней.

Любовь придет, в рассудок свой яд внедря,
Обзаведясь правами поводыря...
Что ж? — поговорка дедов гласит не зря,
Что знает еж, какие плоды ценней.

Чтоб зверь был другом, его язык пойми.
Бесправьем — брата, когда он слаб, не жми.
Того, кто нужен, за грех не бей плетью:
Прости — и станут его труды ценней.

Махтум-Кули, на стройность мир этот скуп.
Здесь, кто смышлен — унижен; в чести —
кто туп.
Терпел от старших братьев меньшей, Юсуп,
А был, по причте, своей среды ценней.

ГОСТЬ

Глаз наш, видящий жилки в камнях,—увы!
Он, при немощи нашей плачевой, — гость.
Видя в дом твой входящего, крох не прячь:
Для беседы пришел задушевный гость.

В бесконечность времен уходят пески.
Служат речи джигитам против тоски.
Только раз распускаются лепестки:
Куст весенних цветов — беспосевный гость.

Мир нас таинством красок тешить готов.
Посетим урожайнейший из садов:
Шесть и семь там десятков разных плодов,
Но зачахнет к зиме многодревный гость.

Кто, меж тем, как другой джитит воевал,
Сам без стрел и коня был, тот низко пал.
Из коленей с годами уйдет запал.
Пыл, влекущий на подвиг нас гневный, —
гость.

Этой жизни мы радуемся детьми,
Эта жизнь угощает потом плетьюми.
Плоть любого из нас, кого ни возьми,
В ожиданьи земли алчноочревной — гость.

Не для чванства намаз тебе богом дан.
Овладеет душой гордеца шайтан.
Твой, красавец, под старость согнется стан.
Стон влюбленный в тебе — лишь напевный
гость.

У меня, говорит вам Махтум-Кули,
Пред глазами печальный жребий земли:
Сколько лет своих, смертный, в мире ни дли,
Все равно ты его пятидневный гость

ДАЙ ОТВЕТ—ОТВЕТ ДАЕМ

Вопросы Махтум-Кули и ответы Дурды-Шахыра

—Кто, если стар,—багрян,—и желт, если юн?
Кто, безо всяких ног, отличный прыгун?
Кто, семь раз пронырнув, осилит бурун?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Сев—если стар, багрян и желт, если юн.
Змей—безо всяких ног отличный прыгун.
Сельдь—семь раз пронырнув, осилит бурун..
С низким поклоном мы ответ наш даем».

—Что это, —бьет крылом, а рассудка нет?
Что это, — ворот есть, а нагрудка нет?
Что это — пищу ест, а желудка нет?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Бабочка бьет крылом, а рассудка нет.
К савану ворот есть, а нагрудка нет.
Кладбище пищу ест, а желудка нет.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

—Что и без врат храним, как в крепости,
мы?

Что без кольца в стене — суровой тюрьмы?

Что за враги дают друг другу займы?

Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Сердце без врат храним, как в крепости мы.

Склеп без кольца в стене—суровой тюрьмы.

Месяц с солнцем дают друг другу займы.

С низким поклоном мы ответ наш даем».

—Чем бы могла быть плоть без пищи сыта?

Что из людских речей услада поста?

С чьих это ног при жизни кожа снята?

Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Лаской любимой плоть без пищи сыта.

Звуки людских молитв — услада поста.

С ног Несеми при жизни кожа снята.

С низким поклоном мы ответ наш даем».

—Кто это в день пройдет по семи краям?

Чем и кого, секут по спинным костям?

Духом, скажи нам, кто, как праведник, прям?

Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«В день лишь пастух пройдет по семи краям.
Палкой овец секут по спинным костям.
Духом лишь конь-скакун, как праведник,
прям.

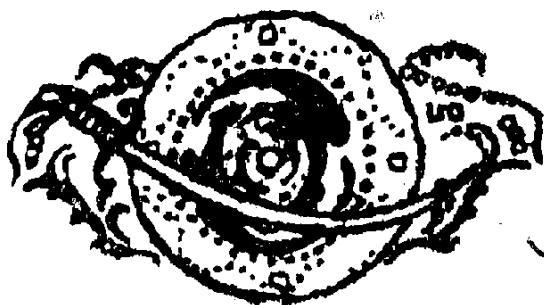
С НИЗКИМ ПОКЛОНОМ МЫ ОТВЕТ НАШ ДАЕМ».

—Ну-ка, кому уготован райский сад?
Кто, прощмыгнув тайком, свой отводит
взгляд?

Скрыть не может чего никакой наряд?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Стойким в борьбе уготован райский сад.
Злоба, тайком шмыгнув, свой отводит
взгляд.

Козней не может скрыть никакой наряд.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

**V
СТИХИ
НА
БЫТОВЫЕ ТЕМЫ**

ЗАЧЕМ?

Будь с изъясном твоя, красавица, стать,
Утверждать, что подобна ты Слу, зачем?
Безоружному воину обладать
Сердцем конскому равным челу, зачем?

Если осень завистливый кинет взгляд,
Если, розу губя, обрушится град —
Соловью, чьим безумством наполнен сад,
Быть без розы подобным щеглу — зачем?

Если выронишь слово — исчезнет мрак.
Веселится под ветром ячменный злак.
Водной птицей, пустившись на солончак,
Двигать лапой, подобно веслу, зачем?

Если б судный день протрубил Израфиль,
С кровожадными мирных тварей справил
И обитель воздушную истребил,
Напрягаться и хлопать — крылу зачем?

Чувству скорбь придает настоящий вес.
Птица — раб, если сделан в крыле надрез.
Скакуна, чей крестец от парши облез,
Прикрывать дорогому седлу — зачем?

Кто грешил, тот пред небом — сухой арык.
В Судный день у Корана выцветит лик,
Опозорится шейх, блудливый старик,
И тогда уповать на муллу — зачем?

Деньги скряги бесплодны, как летний зной,
Влага ливня, прошедшего стороной!
С благородным делись краюхой одной,
Но лентяя учить ремеслу — зачем?

Видел много Махтум-Кули суеты:
Станут прахом сегодняшние цветы.
Черноглазой и стройной добейся ты,
А огонь загонять под полу — зачем?

НЕЛЬЗЯ

У трех нагорных сосен по корню есть.
С одним оставить все три нельзя.
Как три верблюда, три валуна легли.
Рукой подкинуть те валуны нельзя.

Не станет баня стройна, как минарет.
С плохой женой — морока, в ней проку нет:
Продай, зарежь—вернется на этот свет...
Спасти́сь от ига такой жены нельзя.

От злой жены в могилу б себя сволок.
Такая — хуже, чем ледяной клинок.
С ней сидя рядом даже, ты одиночок.
А взять другую, со стороны, нельзя...

Шайтан изменам учит, прелюбодей.
Злорадный слышен шепот среди людей.
Подозревая правду, тайно седей:
Сказать, что жены нам не верны, нельзя.

Рабыня, что ни разу не впала в блуд,
Придет с открытым взором на страшный суд;
Ее обречь на муки, на вечный труд
Весьма легко нам, но без вины нельзя.

От ста шакалов хромая лань уйдет.
Тигренок девяносто лисиц примнет.
Тысяча жаб пред дохлой змеей струхнет.
Робеть и мешкать в пылу войны нельзя.

Когда признает твои дела народ,
Тебе расчистят в любой толпе проход.
Но честь и славу, конец любых невзгод,
Купить, поскольку им нет цены, нельзя.

Богач и нищий мечтает клад найти,
Мечтают средство для роста стад найти.
Чем ты богаче, тем больше рад найти:
Насытить брюхо твоей мощны нельзя.

Пока таких не встретишь, Махтум-Кули,
До чьих ушей твои бы слова дошли,
Пока подруг мы тщетно ждем, бобыли,
Лежать спокойно и видеть сны нельзя.

ОВЛАДЕЙ

Пусть обречен в трущобе ты прозябать —
Чтоб мир познать, конем в мечтах овладей.
Рум, Чинмачин, Габеш и Хинд — как достать?
Тайнами их в глухих местах овладей.

Нужду скрывай. Три дня не ев, «сыт» скажи.
Жилье души оградой през окружи.
Среди песков, томим жарой, не тужи:
Эремом там, что весь в цветах, овладей.

Пусть нас едой в голодный день угостят,
Не надо есть, когда при том в рот глядят.
Ни тьмы рабов, ни звон казны дней не длят:
Искусством жить, как Ной, в летах овладей.

Когда лишь бог твоей нужды видит груз,
И жалких крох тогда тебе сладок вкус.
Пусть ты лишен земель и нив, как индус—
Убранством плеч, как падишах, овладей.

Для бурь, для рек владыкой был Сулейман.
Что из того, что он исчез, как туман?—
Теченьем вод, что ждет сухой Чолистан,
Как Искандер, морям на страх, овладей.

Как муравей, бесгласным став, сникни ты;
Бездомным став, в змеиный лог прыгни ты,
Двадцать шесть раз сто тысяч слуг кликни
ты,
Всем, что Карун держал в руках, овладей.

Терпенье есть и совесть есть,—боже, знай.
Махтум-Кули, несчастен ты, все же знай:
Дух—волосок, что погребен в кожи, знай...
Бессмертьем слов, хоть сам ты прах, овладей!

ДАЙ

Мне, боже, страстный первоцвет
В знак высокой поблажки дай!
Постившемуся двадцать лет,
Разговется бедняжке дай!

Зачем, не разживясь женой,
Дорогой двигаться кружной,
Томиться скукой затяжной? —
Разрешиться затяжке дай!

Такую дай, всевышний, мне,
Что у людей в большой цене:
Такую, что весь день в возне,
Что годна и для бражки, — дай!

Чья кожа — персиковый пух,
Чьи брови — перья птицы Рух,
От чьих об'ятий млеет дух —
Мне такую, бродяжке, дай!

Махтум-Кули, ища такой,
Набитой дуре стал слугой...
Что делать, боже всеблагой?
Улизнуть из упряжи дай!

МОЛЮ

Боже милостивый, сперва
Об одной щедроте молю.
Веки—персики, грудь—айва,
О такой вот плоти молю.

Без желанной, что за житье?
Где чело преклоню свое?
Дай мне перья—брови ее,
О бровях в разлете — молю!

О хранящей мужний покой,
О ценимой молвью людской,
Об улыбчивой, о такой,
Что легка в работе — молю.

Двадцать лет я любимой жду,
Без утехи сквозь мир бреду...
О тисках, о губах в меду,
О пьянящем сое молю.

Любит умниц Махтум-Кули,
А его с безмозглой сплели!
Не томить с такой на мели,
Не морить в зевоте — молю..

ЗАШЛА БЫ...

Чем горевать одной, зашла бы к дружку!
Можем поладить мы, ты видишь—я вдов.
Я госпожей своей тебя нареку.
Будь ты не так мила, не тратил бы слов.

Только молчи: вокруг—наушников рой!
Дегтю в мед примешать умеют порой.
Вечером жду—и жду с рассветной зарей,
Ты постоянный гость горячечных снов.

Будешь в верных руках сокровищем ты.
Будешь без них пустым становищем ты.
Верь в судьбу и не верь злословящим ты,
Знай, что я за тебя погибнуть готов.

Если б, как бог судил, моей ты была,
Стали б доступны мне большие дела:
Камни, чуя мой гнев текли б, как смола,
Я б расцветил пески коврами садов.

Кто обойдет цветок, который пахуч?
Здравствуй же ты, чей лик как солнечный луч!
Раб твой Махтум-Кули, он тем и могуч—
Вот почему к тебе направил он зов.

ЕЕ

Красавица есть—сыщешь ли равных ей?
До смерти бы был данником чар ее...
С опорой такой мужу не знать скорбей,
Я всех бы забыл—дайте лишь мне в дар ее!

Красавица есть—стан точеный высок,
Вдоль тела во тьме—солнечный ободок;
Все речи ее—словно пьянящий сок;
Доходит сквозь даль гибельный жар ее.

Красавица есть—стан точеный высок,
Я в косы бы те все самоцветы вдел.
В ней—блага земли. Будь я богат и смел,
Я стал бы скупать, всю, как базар, ее!

Красавица есть—все, пред ней, с горяча,
Отважный джигит сложит в плоть до меча.
Бумаги белой белей кожа ее плеча,
Боится покрыть дерзкий загар ее.

Еще есть одна—тоже цаца на вид,
Но старая мать плачет над ней навзрыд:
Бесстыжая дочь в косах заводит гнид,
И ввек не отмыть грязных шальвар ее.

Ту, первую, всем, всем, что есть, надели.
Но что со второй делать, Махтум-Кули?
Когда она вся стоит одной сопли,
Бежать от таких! к чорту товар ее!

ПРИДЕТ

Наибольшее кажется, среди бед —
Это если разгневанность зря придет.
К потерявшему милой подруги след
Образ гибели мира, горя, придет.

Не держи ни врагов—чтоб тайн не вверять—
Ни друзей—чтоб побед им не потерять.
Не должай рабу, благ, благ на бека не трать,—
Просветление, животворя, придет.

Где разверзлись хоть раз земные пласты,
Ненадежный нам отдых прочат кусты.
Стыдно, если не потчивал гостя ты
И домой он, не с'ев сухаря, придет.

Дом скупого хозяина — мертвый храм.
Нечисть ада разводит он по углам.
Жрут, не глядя, святоши, чей чтят—ислам,
Все, что к ним на обед из ларя придет.

Будь железным, будь в десять ярусов кров,
Смерть проникнет туда, этот вор воров.
Муж, не сетуй, когда осколок миров,
Метя в темя и небо багря, придет.

Не вздыхай по одной, другой дорожа.
Благочестьем сто лет не морочь, ханжа:
Лучше, если слезинка, росно-свежа,
На ресницы хоть раз, как заря, придет.

Будь правдив, будь Махтум-Кули,
Чтоб тебя с нерадивой не сопрягли:
Лучше быть в преисподней, смердеть в щели,
Если в дом не подруга, а фря придет.

СРАВНЮ

Песчаный холм вблизи жилья
С конем, с седлом, с уздой сравню.
Глупца среди ученых я
С каракулей витой сравню.

Мир — это бездна жадных вод.
Утонешь в ней — немислим брод.
Мирских случайностей черед
С разымчивой грядой сравню.

Когда нет брата, власти нет.
Когда нет милой, сласти нет.
Когда нет сына, счастья нет...
Такой удел — с бедой сравню.

Жену, чей муж ей жизнь заел,
Чей муж на ней, как цепь, висел,
Чей муж, как змей, холоднотел—
С загубленной звездой сравню.

Та, что к семье полна враждой—
Соль для царапины живой.
Такую—с липкой клеветой,
С отравленной едой сравню.

Махтум-Кули об'емлет страх.
Не весел он и на пирах.
О, мир невежд! о, мир нерях!
С бесхвостым псом твой строй сравню.

**VI
СТИХИ
О
ЛЮБВИ**

ДРУЗЬЯ

Предан давно я властной мечте одной,
Ей только верен вечно буду, друзья!
Сердце мое взмыло, паря надо мной,
Шум его крыла всюду, друзья!

Сердце опившись сладкой брагой любви,
Будет бродяжить, как его ни зови,
Сеть оно вспорет, пустишь—потом лови,
Вышибет дверь, прорвет запруды, друзья!

В ласках любимой жизнь я топить готов,
Счастье из уст ее годы пить готов,
Кубок их чудный кровью купить готов,
Думой влекусь к тому сосуду, друзья!

В ад о страсти земной вести шлет Фатьма,
Чаще кос ее строки ее письма:
Смертных по ним загробная судит тьма,—
Праведны ль мы иль склонны к блуду,
друзья!

Если росшим врозь не дать утех любви,
Пламя в них раздуть можно, как мех,
любовь.

Знает Махтум-Кули—сладкий грех любовь,
Тянет мервку она к йомуду, друзья!

ПРЕЛЕСТЬ ТВОЯ

В тучи не солнце вонзило свой кинжал —
Месяца выгиб крутой прелесть твоя.
Мастер Джагфар не медь Сенджаба
склепал—

Меч в Исфагани литой, прелесть твоя.

В косы твои вплетен серебряный дождь.
Встречных влечешь ты силой тенистых рощ.
Рот твой—ключ Земзем. Слабым дарит
он мощь.

Струй Айнальбакских отстой прелесть твоя.

Белых и алых злаков налив она.

С Ганга, из джунглей, с Дунайских нив
она.

Буквы арабской страстный извив она.

Стала б Юсуповой мздой прелесть твоя.

С тем, кто духом силен, не спорь,
говорят.

В лучшую дыню вгрызется хорь, говорят.

Зелье есть на всякую хворь, говорят.

Служит в неволе мечтой прелесть твоя.

Горной молвой о ней смущен Чинмачин.

Славой ты превзошла индийский кувшин.

Сводишь ты с ума встретившихся
мужчин.

С дымчатой спорит звездой прелесть
твоя.

Если Махтум-Кули лжец среди лжецов,

Да не минует камень его зубов!

Дай лишь знак творец всех начал и
концов —

Свалится грозной бедой прелесть твоя.

КТО ТЫ?

Как, не видав тебя, вообразить могу?
Ты горлинка иль соловей ты, кто ты?
Тебя назвав, моя любовь, себе ж солгу;
Быть может, роза средь ветвей ты,
кто ты?

Из праведниц ли иль из душегубок ты?
Ты виночерпий ли, вино ль иль кубок ты?
День, месяц, год иль вечность без зарубок
ты?
Живей ли звезд, луны ль мертвей ты,
кто ты?

Ты пряность ли, ты мускус ли, инбирь ли
ты?
Верблюжья ль упряжь, ось ли, поводырь
ли ты?
Ты рыба ль, буря ль ты, морская ширь ли
ты?
Смерч, закруть ли иль суховой ты, кто
ты?

Ты золотая россыпь или слиток ты?
Обитель райская иль место пыток ты?
Алмазов, лалов, перлов ли избыток ты?
Светильник ли, иль сноп лучей ты, кто ты?

Махтум-Кули, не верь успехам мнимым ты!
Напрасно гонишься за этим дымом ты.
Вообразил уже себя любимым ты,
Безумец, пьяный, ротозей ты, кто ты?

ЗАБЫЛ

Из вечной чаши страсти я так хлебнул,
Что путь в мечеть, что крик абдала забыл.
Свой дух в котел кипящий я окунул
И, в чем отличие уст от жала, забыл.

Огнем любви об'ятый, я паром стал;
Прокипяченный ею, наваром стал;
Золотой, — увы — ненужной и даром, стал;
Чем должен вертел быть для сала, забыл.

Я словно кем-то брошен среди песков,
Бреду и сам не слышу своих шагов....
Да разве дочь земли ты?—ты с облаков!
Я сень шатра, я сон привала забыл.

Завистлив стал и жаден и цепок я,
В своем безумстве стоек и крепок я,
В любом предмете вижу твой слепок я
И, чем коран мудрей кинжала, забыл.

Махтум-Кули в плену, бескрылый, встает.
Кружит плясун, и шейх пред силой встает.
Я вижу всюду — образ милый встает.
И, много ль выпил я иль мало, забыл.

ПРИШЛОСЬ

Поток любви, взбурлив, на прибыль идет.
Ей сердце снова обуревать пришлось.
Престол души в волнах, как щепка, плывет,
Мне эти волны переплывать пришлось.

Был сон мой тяжек—вздрагнул, проснулся,
встал.

Что страсть—нелегкий труд, я в книгах читал,
Но это дело сладкой игрой считал,
И вот свой промах мне искупать пришлось.

Той, чей я вихрь почуял, достичь нет сил.
В простертых пальцах ветер надежд сквозил.
Я под крылом разлуки печаль взростил,
В пруди котел кипящий скрывать пришлось.

Костер любви мне руки огнем лизал;
В поисках милой, взоры я в даль вонзал;
В заркало-сердце имя ее вписал,
Черты незримой мне рисовать пришлось.

Так, бескорыстный, кроткий маляр любви,
Я усмирял работой пожар любви...
Нам недоступен пышный базар любви:
Твою, надежда, привязь, мне рвать пришлось.

Душа смертным ядом полным-полна:
Чтоб стал он зельем жизни, мне ты нужна.
Я строил крепость сердца—к чему стена,
Когда ворота мне открыть пришлось!

Махтум-Кули, крепость постиг разгром.
Зияет град сожженным своим нутром.
Друзья! проникли беды в его пролом,
И в пепле страсти мне истлевать пришлось...

СВЕТИЛ

В лучах твоего лица
Прозрачны тени светил.
Тебя к порогу творца
Ведут ступени светил.

Ресница твоя — стрела,
Ты луком брови свела,
И что земные дела
Блаженной лени светил?

Сказала мне—«жди в саду.
К любимому днем приду» —
Но вот уж ночь на виду...
Что проку в крене светил?

Я месяц тебя прождал,
Прохожих взором глодал
И, страстью горя, страдал
В холодной смене светил.

Единство тысячи грез
Твой раб на чужбину снес,
И взор твой, как море слез,
Мне в горькой пене светил.

Меж нами хребет возник.
Но клятва прожгла язык:
Мне всюду твой властный лик,
В мечтах о плене, светил.

Дорогу размыл ручей,
И смолк лесной соловей,
Что сердцу в дробь свой,
В своем колене светил.

Махтум-Кули за молвой
Влачился, еле живой.
Мне в Сирии образ твой,
Мне он в Йэмене светил.

МИЛОЙ

Что я познал, друзья, в скитаньях моих?—
Бурлят подобно аду груди милой.
Чекан бровей ее — два лука тугих.
Уйду ль от гибельных орудий милой?

С ее лица слетают стрелы лучей.
Она — всех женских прелестей казначей.
Не достигают стоны—ее ушей.
Сродни виденья, а не люди, милой.

Вдоль этих чресель плавный ветер течет.
Опись ее приманок книгу прожжет.
Открыт ей рай, и гурий его причет
Готов служить любой причуде милой.

Дала мне пенный кубок любовь моя,
Но отравила брагу, словно змея.
Сто тысяч вин трезвее того питья.
Гнев по краям кипит в сосуде милой.

Ее звенящий голос—чистый хрусталь,
Сполна ей ширь вселенной видна сквозь шаль.
Каким грехом ни скрашу мою печаль,
Известно все о каждом блюде—милой.

В тот час, когда б лицо ей гнев спалил,
Живое все на месте б он умертвил;
Задует, ей служа, в трубу Израфил;
Даны права всех смертных судей милой...

Мама себе, сестра и собрат она,
Себе союзник и супостат она.
Сжигает сердце болью утрат она,
И не догнать мне на верблюде—милой.

Не знает смерти тот, кто любит ее;
Ночное ей несвойственно забытье;
Ей не нужны прикрытые, сон и питье,
И не еда, а дым — на блюде милой.

Летящий к ней не счел бы Махтум-Кули.
Над нею души выются, как журавли.
О, если б нас ей в жертву приволокли.
Я бы предстал в кровавой груди — милой!

Я НАШЕЛ

Праздно бродя — меж тем, как брезжил
восток—

Сказочную, как сон, страну я нашел.
Там, достойный мечты, один уголок.
Множество скучных мест минуя, нашел.

Вещь, что купить нельзя—невидимый лук,
Гнутый из ничего, без помощи рук,
Лук, что разит без стрел, что легок и туг,
Призрак лука и в нем струну, я нашел.

Бросив друзей, открыт я невзгодам стал;
Бросив свой караван, пешеходом стал;
Душу свою извел, сумасбродом стал;
Звездным путем бредя, луну я нашел.

Пейте, друзья! я влил душу в ваш шербет.
Сто наслаждений—вам, мне—тысяча бед.
Воду рисует мне мой жалобный бред:
Жажду вместо воды в плену я нашел.

СМЕЛ ВЛЮБИТЬСЯ

Луной плененный соловей, тоскуя, смел
влюбиться.

Живя в саду, в пустыню я в сухую смел
влюбиться.

Друзья — увы! — я в розу звезд —
не лгу я! смел влюбиться!

Во мрак волос ее, в их ночь глухую
смел влюбиться.

Она невидима, и я в такую смел влюбиться.

С тех пор, как жить мне на земле велел
судья единый,

Привык бродить я, доходя до Мекки
и Медины.

Я в сад Эрема заходил, соперник
соловьиный,

Но цепь узилища, друзья, обрел в стране
кручины

И, как врагу б не пожелал — врагу! —
я смел влюбиться.

Тебя взалкав, я предпочел пустыню саду,
сжался!

В тряпье подвижничества стал сродни
Ферхаду, сжался!

Я ум и дух в огне любви подверг распаду,
сжался!

Я, жертва вихря, где-нибудь песком осяду,
сжался!

Я в госпожу, моля, стена, воркуя,
смел влюбиться.

Грозят мне волны иль обвал, иль яма,
кто мне скажет?

Вслед сердцу, гибельный недуг умом
и телом нажит.

Голубку ль, ворона ль ищу? зачем мечта
бродяжит?

Семьдесят тысяч женихов твой каждый
волос вяжет.

В твой стан я девственный и грудь тугую
смел влюбиться.

Тебя во сне, хотя б во сне, мне видеть
                                                надо друг мой,
Быть у волос твоих в плену, за их
                                                оградой, друг мой!
Тебя не видя, исходить одной досадой
                                                надо, друг мой,
Хочу тебя, хоть не даны мне кровь
                                                и стадо, друг мой!
В божественность навеки я, в благую,
                                                смел влюбиться.

Я не любим, и тайн моих ей от меня
                                                не нужно.
Тревог вкусившему, мне жить, покой
                                                храня, не нужно.
Мне мужества, когда я стал едой огня,
                                                не нужно.
Мне без любви в упорстве брать пример
                                                с кремня не нужно.
В колчан ресниц и в лук бровей, в стрелу,
                                                я смел влюбиться.

Махтум-Кули, напрасный труд — ждать
на пустом базаре.

Бродягой, нищим ты застрял на том
базаре.

Ты был игралищем любви не на одном
базаре:

В тысяче первой лавке ты, хваля свой нож,
базаря,

У семьдесят вторых ворот впустую смел
влюбиться?

ГДЕ Б БОГ ПОВЕДАЛ

В счастливом рабстве соловей у розы...

Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Мир — семь темниц. Там — зной, а тут —
морозы.

Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Испендиар ждал Рустем-Зал для ласки.

В Шенджебе ль ждать мне, в Мекке ль,
иль в Дамаске?

Итти в Арзкер? в Карбел, чьи сыпи вязки?

Где б, друг мой, о тебе бог поведал?

Копьем досады вражьей души колешь.
Тень Гер-оглы, в горах скитаясь, молишь.
Всех вин напьешься, чтоб узнать одно лишь:
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Твой дивный сад привидится мне спьяну.
Там соловей вокруг роз несет охрану.
С круч Бейтулла-Сафа-мена — я гляну:
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Как шейх Сенган, из глаз излей я реки,
Вслед за Щебли, стань я песком навеки,
Обшаркой я семижды стены Мекке, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Себя в темницу, как Юсуф, упрячь я,
Иль, как Джержис, себя блуждать назначь я,
Иль, как Юнус, дай я обет безбрачья, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал.

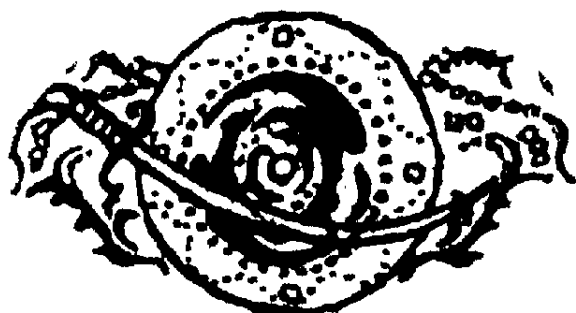
Простерши руки, день и ночь молюсь я,
Как Гюль-Ферхан с румянцем распростись я,
Тамбурный стон направь рукою ввысь я, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал.

Уйди я в глушь, в пустыню, как Мессия,
Иль, как Идрис, груз клятвы век неси я,
Иль, как Хыдыр, свет солнца погаси я, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Махтум-Кули пьян брагой чувства пенной,
И, может быть, в седьмом кругу вселенной
Девятый свод лишь есть тот сад

затменный,

Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

VII
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
СТИХИ

ВРЕМЕНА

Эй, родич, услышь мой стон!
Суровы к нам времена.
О подвиге речи нет,
Забыта ему цена;
Отчизна терпит нужду
И в горе погружена;
У веры отнят язык,
Земля грехом пленена....
Скорей бы они прошли,
Жестокие времена!

Я знал когда-то борьбу.
Какие то были дни!
Иззубренный бранный меч
Бывает милей родни.

Кто изгнан, врагу смешон
Как там его не кляни.
Кто изгнан, забудь детей
И родины не скверни!
Когда проиграл борьбу,
Скитайся, как дивана.

Не мни, что мир посетив,
Из мира я не уйду:
Живому в срок умереть
Написано на роду.
Исправить тех мудрено,
Кто с истиной не в ладу:
Обмащик в постные дни
Скоромную жрет еду,
В коране грязня перстом
Священные имена!

Под гнетом и кабалой
Народу отдыха нет.
Пусть игом людей томит
Богач властитель сует,
И пусть полыхать огнем
Земле до скончания лет—

Ей стать золой пепелищ
Препятствует Магомет,
Подобный веретену
Ей быть во все времена.

В беде я, друзья мои,
А прежнего пыла нет;
Вне истины нет ворот,
Надежного тыла нет;
Над бурной пучиной дум
Весла и ветрила нет:
Под лодкой Махтум-Кули
Для якоря ила нет;
Причальных канатов нет,
И жадно ждет глубина.

НЕ ЗНАЮ

Вдаль сердце рвется — воздуху в избытке—
Но крыльев нет, и как взлечу,—не знаю.
Могу прочесть все книги я, все свитки,
Но как другого научу, — не знаю.

Плывет сквозь мудрость, кто в науке прыток.
Я вижу—тайны бродят меж кибиток.

Льют в красный кубок розовый напиток:
Тянусь рукой... как рот смочу, — не знаю.

Я—взаперти, вино манит снаружи.
Как сам в себе, ни в ком не смыслию хуже.
Я пьян, а дом закупорен к тому же.
Как право выйти получу,—не знаю.

Не разберу — степь вижу ль иль вершину.
Скрыт в сердце смысл, а как его я выну?
Где путь? ей след? словами что я сдвину?
Зачем мой жребий я влачу,—не знаю.

Махтум-Кули, до бредней ветер падох.
Оставь ему весь этот беспорядок!
В пучине тайн трещит ладья догадок,
И руль ее зачем верчу,—не знаю.

СТАЛ

Клялись любить до гроба—то был лишь брех.
Я воплощенным стоном и плачем стал.
Теперь я сразу целюсь на четырех,
Я многолюбом, вдвойне я зрячим стал.

Разбито счастье, был я слишком горяч.
Стегая, губишь и скакунов и кляч.
Кто я теперь — безбожник или басмач?
Распутный раб и грешник—вот я чем стал.

Покинул хваткий сокол привычный шест.
Я одичал, а в сердце досада есть.
Забыт женой, кто ищет других невест,
Кто блудником и мужем бродячим стал!

Своей добычи сокол не уволок,
Ее добился,—прощай, нырок!
К чему теперь проклятья, какой в том прок,
Что я грозой, что волком кусачим стал?

Махтум-Кули, навеки ты духом хвор.
Когда и где победу рождал позор?
Овцу не вызвать волку на разговор,
И тот, кто столько значил, незначим стал.

• ЛИШЕН

Я, горюющий соловей,
Неземного сада лишен.
Я, чьи слезы—алый ручей,
Той, кого мне надо, лишен.

Той, чьи косы—черный гагат,
Той, над кем мотыльки дрожат,
Той, в чью честь напевы звучат,
Той, чья речь—услада, лишен.

Семь эдемов подвластны ей,
Этой ханше земных страстей!
Я янтарных ее грудей,
Я всего их яда лишен.

Я в огне с головы до пят,
Для меня и гнев ее свят...
Я бровей, где бури шумят,
Я разбоя взгляда лишен.

Если ей три дюжины лет,
Значит, лучше возраста нет!
Я тех уст, чей мятежен цвет,
Их хмельного склада лишен.

Вот запретные те края,
Где ей слышен лепет ручья!
Вот я твой, что не знаю чья,
Вкруг кого ограда, лишен...

Хочет шалый Махтум-Кули,
Чтоб стихи пред милой легли,—
Но ведь он гекленки Менгли,
Что была б им рада, лишен.

ГРУЗ ЛЮБВИ

Кряж чувств я взрыл, на мне узлы взбухших
жил, —

Кому с руки, кому подстать груз любви?
Под ней давно трещат горбы всех светил,
Небесный свод устал держать груз любви.

Где нет любви, под пеплом спит жар
костров,

С ней мил и мрак, а без нее—свет суров
Но бременит подошвы круч, плечи льдов,
Зверей и птиц, отца и мать, груз любви.

Той ноши с плеч не мог никто снять долгой.
Мир, оплетаясь стал юлой.

Сжигая твердь, любовь растит зольный
слой,

Влачат пески и топь и гать груз любви

В краю святых тот груз—упоё их пятам.
В бесовской тьме он в пытку дан тьмущим
тьмам.

С ним триста лет, и сто еще Адам,
И сохранил его печать груз любви.

Махтум-Кули, в ее тюке нет прорехи, —
Да не звучит в устах скопца гнусный смех!
С тех пор, как нам в наследство дан
древний грех,
Не знаем мы, куда девать груз любви.

ОН*)

Когда птенцов у дергача вор стащил,
Дергач крекчит, дергач крекчит, ищет он.
Где розы нет, для соловья свет не мил:
Ее лишась, взывает к ней, свищет он.

Верблюдиц жаль, чьих верблюжат волк
угнал,
На чьих глазах малютке он горбик смял:
Ослицу жаль, чей сосунок вдруг пропал:
Ей невдомек в каких краях рыщет он.

---

*) Написано на смерть сына.

Кормящий зверь—врагов своих видит в снах.
Его удел — раздув ноздрей, дрожь в ушах.
За малышей своих терпя вечный страх,
Им каждый миг подсчет, высчет он.

Случись отцом лесных зверят стать зверенку
Семья вернет подшерстку блеск, мощь клыку:
Как только тот, кто охромел, сжал клюку,
Вновь крепконог, двужилен вновь, мыщат он.

И у зверья и у людей путь один.
Махтум-Кули, жадней, чем смерть, нет трясин.
Когда навек в глухую топь втянут сын,
Старик скорбит, ручьями слез прыщет он.

Я РАСТЕРЯЛ

Я растерял моих друзей.
Их полк растаял, как туман.
Судьбою каждому свой путь
Для побед и подвигов был дан.

Кто к миру свой направил шаг,
Пред тем легла дорога благ.
Кто сдобрил шашкой свой кулак,
Тот путь просек для мусульман.

На тьмах верблюдов и коней
Их гнали ханы много дней:
Одних сдавил арканнй змей,
Другие—умерли от ран.

А в ком сказался блюдолиз,
Тот по горам, то вверх, то вниз,
Шел в Исфагань, спешил в Тавриз,
Забыв для Персии Туран.

Чем я богат, про то один
Небесный знает властелин.
Махтум-Кули среди теснин
Своих не видит сополчан.

ПЛАЧА ПО МНЕ

Измаются перси мои, вся их ширь,
И мощь их бычья уйдет, плача по мне.
Исторгнется солью слез желчный пузырь,
И бровь девичья уйдет, плача по мне.

Пройдут над живущим дни с их мишурой,
Дворец, где бек пировал, станет дырой,
Свинцовый прольется дождь над Кап-горой,
И прах величья уйдет, плача по мне.

Вдохну я—и грянет гром, мир облетев;
Над жалкой вселенной мор отверзнет зев:
В сурка превратится барс и в зайца лев,
И стая птичья уйдет, плача по мне.

За что ни возьмусь, мира не обрету.
Богатство бы принял я как нищету.
Под стон мой другу заснуть не вмоготу,
И гость—захнычь я—уйдет, плача по мне.

Любовь покрыла меня жаром углей,
И эти угли судьбой стали моей.
Весной при видя меня нем соловей,
И осень сычья уйдет, плача по мне.

Тому, кто не пил со мной горькой струи,
Кто ввек не любил, зачем речи мои?
Любовью вышиблен я из колени,
И смерть—покличь я — уйдет, плача по мне.

Понявших скорбный язык Махтум-Кули
— Попробуй—рассей, потешь, развесели!
Я прысну трезвой слезой на все хмели,
И смех с обличья уйдет, плача по мне.

ЖИВУТ*)

Как — взглянемте! — мир наш лежит?
Как в бездне домашней живут?—
Исчез македонец Джимшит,
Но вот его башни живут.

Долина и горный под'ем,
Цветник, орошенный ручьем,
Трущобы со всяким зверем,
Поляны и пашни живут.

В пространстве, когда-то пустом,
Бог вывел хребет над хребетом,
Там сказы о Ное седом,
О травле вчерашней, живут.

Сменяются травы Яйлы,
Но стены за ключьями мглы
Ничьей не боятся стрелы
И, смерти бестрашной, живут.

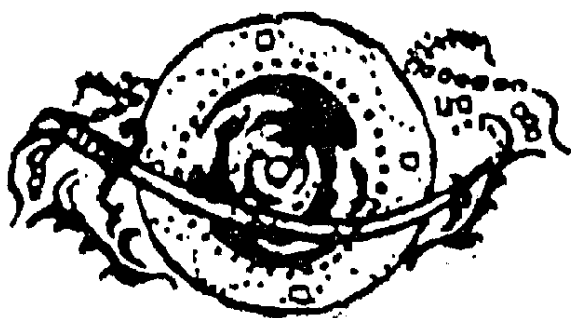
---

*) Последнее стихотворение Махтум-Кули.

С живущим обманчива связь,
Пусть хлопает слякоть и грязь,
Пусть люди, блюда и резвась,
Неправдой да шашней живут.

Есть грань для пасущих и стад,
Но юные, радуя взгляд,
На землю приходят, как в сад,
И, птиц басшабашней, живут.

Пусть праха Махтум-Кули
Несытые ждут ковыли,
Но звезды, гудя, как шмели,
Державой всегдашней живут!

ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРЕВОДАМ

(По данным Гос. Туркменского Научно-Исследовательского Института истории, языка и литературы).

К переводу „Мы“ — Х а й р у л - Б е ш е р — собственное имя, ставшее нарицательным в смысле человека-благодетеля (дословное значение имени).

К переводу „Мир влюблен“ — Две разноцветных змеи олицетворяют два начала — доброе и злое. Сулейман — библейский Соломон.

К переводу „И все“ — И б р а г и м — библейский Авраам.

К переводу „Сплавом быть“ — Л у к м а н (от греческого Лукриан) — легендарный врач, проживший, по мусульманскому вероучению, 4.400 лет. Р у с т е м — герой поэмы Фирдоуси „Шех-Намэ“ — олицетворение силы и отваги. Д э в и — в восточной мифологии великаны-оборотни. И с к а н д е р — Александр Македонский.

К переводу „Мир, хэй!“ — „Г а р у н“ — так сокращенно называет Махтум-Кули Гарун-аль-Рашида, багдад-

ского Халифа. К а р у н — легендарный богач, библейский Корей. Х э й — туркменское междометие (из оригинала).

К переводу „О мир“. — И с а — Иисус Христос.

К переводу — „Мол“. Д ж и н — в арабской мифологии могущественный дух-оборотень, ифрит.

К переводу „Ва“. — К а р у н см. выше Вах (Ва) — туркменское междометие (из оригинала).

К переводу „Святые старцы“. — Е з и д ы — противники Халифа Али, четвертого арабского халифа, и его сыновей. В предпоследней строфе — намек на порочность духовенства.

К переводу „Страшный суд“. — Ш а р и а т — свод мусульманских законов. М у ф т и й — мусульманский судья. Р е и с — один из высших чиновников (раис, рейс). И ш а н — духовное лицо. Ш е й х — одно из высших духовных званий. Х а д ж и — почетное звание правоверного, совершившего паломничество в Мекку. К ь я м — Асам-Эддин — арабское имя, синоним благородства. З е к а т (закат) — дань в пользу духовенства.

К переводу „Не живи“. — Ф и р м а н — приказ повеление.

К переводу „Брось“. — Т у м а н — персидская денежная единица, содержит 10 кранов.

К переводу „Сойдет“. — Т а м б у р — бубен.

К переводу „В руке“ — З ю л ь-ф и к а р — меч Магомета, перешедший к зятю последнего, халифу Али.

К переводу „Не спорь“ — А р в а н, н е р — две породы туркменских верблюдов. Из них арван — более сильная.

К переводу „Слугой быть“. — Сулейман — см. выше.

К переводу „Ценный“. — Рамазан — месяц поста у мусульман. Шам-шерин — Сирия.

К переводу „Дай ответ“. — Дурды-Шахир — современник Махтум-Кули, туркменский поэт. Шахир — поэт. Нессими — поэт XV в., которого убили феодалы и религиозные фанатики за вольнодумство, содрав с него кожу.

К переводу „Зачем“. — Слуга — героиня романа Шабенде „Гюль-Бильбиль“. Израфил — архангел Серафим.

К переводу „Овладей“. Рум — территория Греции и Турции. Чин-мачин — Китай и Индо-Китай. Габеш — Абиссиния. Хинд — Индия. Карун см. выше.

К переводу „Друзья“. — Фатма — дочь Магомета. В предпоследней строфе — намек на то, что в своих письменных посланиях к загробному миру Фатма сообщает обо всех грехах и подвигах, которыми отмечена жизнь каждого человека.

К переводу „Прелесть твоя“. — Мастер Джаграф — один из названий бога. Земзем — священный источник, находящийся в Мекке. Айнальбакский источник — источник молодости. Под „арабской буквой“ разумеется так называемый „лам-элип (лам-алиф-ла), один из знаков арабского алфавита, символ покорности и благонравия. Юсуп — библейский Иосиф Прекрасный. Чин-мачин — см. выше. 5-я с конца строка оригинала толкуется по-разному. В пе-

реводе реализовано то из этих толкований, которое связывает слово „Сурайи“ с туманностью Плеяд.

К переводу „Забыл“ — Абдал — религиозное лицо у мусульман.

К переводу „Где“ — Сагиб — взято из оригинала. Как везде на Востоке, означает „господин“ и „госпожа“ (грамматического различия родов в тюрских яз. не существует). Новай — великий узбекский поэт. Шам — Сирия (см. пояснение к переводу „Ценней“). Чин-мачин — см. выше. Хорем — древняя местность в Средней Азии (Хорезм). Гипжак — местность в Хорезмском оазисе. Арш — высшее место в раю, Зумайл — один из кругов рая. Эй — туркменское междометие (из оригинала). Джейхун — Амударья. Гульзум — Красное море. Седре — древнее название одной из пустынь Азии. Иса — см. примечание к стих. „О мир!“. Ахмет-Ясави — туркменский поэт XII в. Кап — мифическая цепь гор, якобы опоясывающих землю. Хазрат-Али — „великий Али“ (арабский халиф).

К переводу „Смел влюбиться“. — Эрем — то же, что Эдем, райский сад.

К переводу „Где б бог поведал“. — Испендир и Рустем-Зал — герои иранского романического сказания. Шенджеб, — Арзкер, Кербела — географические пункты на Ближнем Востоке. Гер-оглы — герой туркменского эпоса. Бейтула - Сафа - мена (арабский „божий дом“) находится в Мекке. Шейх Сенган — герой одного из преданий. Шебли — собственное имя безумца - влюбленного, ставшее

нарицательным. Юсуф, Джержис, Гюль — Ферхар, Идрис, Хыдыр — имена пророков и героев древних преданий. Тамбур — см. пояснение к переводу „Сойдет“.

К переводу „Лишен“. — Геклены — одно из туркменских племен. Менгли — имя возлюбленной Махтум-Кули.

К переводу „Он“. — По преданию, это стихотворение написано Махтум-Кули под влиянием смерти сына.

К переводу „Плача по мне“. — Кап-гора — см. пояснение к переводу „Где“.

К переводу „Живут“. — Джемшит — герой поэмы Фирдоуси „Шах-Намэ“. Об этом стихотворении — см. в предисловии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловия.	5

II. Стихи программные.

Чужд	23
Лишь бы найти	24
Мы	26

II. Стихи о тщете мира.

Ты	31
Мир влюблен	34
Дым	35
Лбы	36
И все	37
Сплавом быть	39
Враги из врагов	41
Песком	42
Мир, хэй!	43
О, мир	45

III. Стихи обличительные.

Не поймет	49
Что смыслит	50

Разве поймет	.	.	.	.	.	.	52
Не ждут	.	.	.	.	.	.	53
Все ж	.	.	.	.	.	.	55
Моя	.	.	.	.	.	.	56
Муж	.	.	.	.	.	.	57
Малый.	.	.	.	.	.	.	58
Вах!	.	.	.	.	.	.	60
Найдем	.	.	.	.	.	.	61
Святые старцы	.	.	.	.	.	.	62
Страшный суд	.	.	.	.	.	.	63

IV. Стихи правоучительные.

Не живи	.	.	.	.	.	.	69
Хотя б	.	.	.	.	.	.	72
Брось	.	.	.	.	.	.	74
Сойдет	.	.	.	.	.	.	75
Одно	.	.	.	.	.	.	76
Если есть	.	.	.	.	.	.	77
Круши	.	.	.	.	.	.	78
Знай	.	.	.	.	.	.	79
Нужна	.	.	.	.	.	.	80
В руке	.	.	.	.	.	.	81
Имей	.	.	.	.	.	.	82
Зря	.	.	.	.	.	.	83
Найдя	.	.	.	.	.	.	84
Всегда	.	.	.	.	.	.	85
Не спорь	.	.	.	.	.	.	86
Слугой быть	.	.	.	.	.	.	87
Бедняк	.	.	.	.	.	.	88
Ценней	.	.	.	.	.	.	89

Гости	91
Дай ответ	93

V. Стихи на бытовые темы.

Зачем	99
Нельзя.	101
Овладей	102
Дай	104
Молю	105
Зашла бы	106
Ее.	107
Придет	108
Сравню	109

VI. Стихи о любви.

Друзья	113
Прелесть твоя	114
Кто ты?	116
Забыл	117
Пришлось	118
Светил	119
Милой	121
Я нашел	123
Где.	124
Смел влюбиться	126
Где б бог поведал	129

VII. Стихи автобиографические.

Времена	135
Не знаю	137
Стал	138
Лишен	139

Груз любви	141
Он	142
Я растерял	143
Плача по мне	144
Живут	146
Пояснения	148

